

16+

ЕЛЕНА КИБИРЕВА

Моя сербская любовь

РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ И О ВОЙНЕ

Елена Кибирева

**«Моя сербская любовь».
Рассказы о любви и о войне**

«Автор»

2020

Кибирева Е.

«Моя сербская любовь». Рассказы о любви и о войне /
Е. Кибирева — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-04462-3

Книга рассказов о любви сербского воина и русской писательницы, в жанре публицистики, охватывает период с 1993 года до наших дней. В 1999 году из-под бомбежек Белграда в Россию привезли раненого бойца с пулями, застрявшими над сердцем. Ему грозила ампутация ноги, но Уральские доктора и любовь русской женщины совершили чудо. «Кто такие сербы, что связывает их с русским народом, почему сербы и русские считают себя братьями навек» - эти рассуждения наполняют все рассказы и дают на них ответы с точки зрения христианина. Книга получила золотую медаль в Крыму на фестивале «Чеховская осень» в 2019 г.

ISBN 978-5-532-04462-3

© Кибирева Е., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Предисловие	6
От автора	7
Часть I. О любви	11
В канун Рождества	11
«А ты – моя. И это от Бога!»	13
Пощечина	15
Песни на чужбине	16
Раффаэлло	18
Где ж ты, дева, – косы русые...	20
Колечко	21
Спас Нерукотворный в Преображенском на Литейном	22
Часть II. О войне	24
«Я его таким совсем не знаю...»	24
«Рэмбо»	27
Гороховое каменное поле	30
Старое интервью	33
Из разговора двух ратников...	38
Сдаюсь, продаюсь... «Голая лошадь» в Купресе	39
Ключ от города Ключ	42
Коридор	45
Одни враги, одни подвиги...	49
Дейтонские соглашения 1995 года	51
На Косовом поле	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Елена Кибирева
«Моя сербская любовь».
Рассказы о любви и о войне

«Мы живем лишь настолько, насколько говорим правду»

Св. Николай Велимирович

Предисловие

Новая книга Елены Кибиревой «Моя сербская любовь» – это исповедь женской души. А любая исповедь всегда полна откровенных признаний, особой искренности и сокровенных тайн. И если подобное мы встречаем в книге, – мы рады и даже счастливы, потому что все это и есть живая, полнокровная жизнь. А в этой жизни – «все мы голодны любовью к человеку»...

Это слова Максима Горького, и нам нельзя про них забывать. Особенно их должны помнить наши писатели – инженеры человеческих душ.

Думаю, и автор книги согласна с таким утверждением, и потому авторская речь в этой повести становится такой исповедальной и откровенной, что порой нам кажется – с нами говорит наставник, которому во всем следует доверять. И мы доверяем и верим Елене Кибиревой и потому чувствуем сердцем прочитанные страницы. А они о многом. И прежде всего – о счастье, о смысле жизни, о Родине, о мечте.

И все же, повесть ли это? Может быть, это поэзия в прозе о любви русской женщины и сербского воина, героя-патриота Ратко, волею судьбы оказавшегося в сибирском городе Кургане?

А может быть, это просто монологи взволнованной и большой души, за которыми стоят размышления о судьбах русского и сербского народов, об их исторической общности и вековой дружбе?

А может, это в чистом виде дневник, рассказывающий о самых лучших, самых счастливых мгновениях жизни, ведь главных героев книги связывает самое святое из наших чувств – Любовь?

А впрочем, наверное, хватит вопросов, ведь мне уже хочется сказать самое-самое главное. А оно в том, что перед нами удивительная и прекрасная книга, полная Любви и Добра. И, конечно же, за эту Любовь мы оплатим автору своей читательской Любовью. И я знаю, я даже уверен, что такое обязательно будет!

Виктор Потанин, член Союза писателей России, лауреат Патриаршей литературной премии.

Лауреат VII Международного форума «Золотой Витязь» (награжден Золотой медалью им. А. С. Пушкина за выдающийся вклад в литературу). Курган, 2020 г.

От автора

«Мы живем лишь настолько, насколько говорим правду».

Св. Николай Велимирович

Эту книгу я посвящаю дружбе русского и сербского народов и далекой, но близкой по духу Сербии!

Так случилось, что однажды я повстречала на своем пути сербского воина, с которым нас связала многолетняя дружба, а затем – церковный брак.

Общаясь с Ратко и его друзьями более 20 лет, я вдруг остро поняла, как тесно и таинственно связаны сербский и русский народы. Связаны навеки!

На протяжении долгого отрезка совместного пути нас подстерегали самые неожиданные и сложные обстоятельства, трудные препятствия и, казалось, непреодолимые барьеры. Но вдвоем мы многое победили, сами до сих пор не понимая, с нами ли это происходило.

Хочу поделиться с вами, дорогие читатели, любовью к сербскому народу, любовью к его истории и его подвигам. Через свою любовь к славному воину выскажу те светлые и добрые мысли, какие создают женщину как хранительницу семьи, мужчины и дома!

* * *

Я очень хотела отразить в этой книге хотя бы небольшую часть настоящей правды о войне в Боснии и о судьбе сербского солдата – ту правду, о которой не понаслышке знает сербский народ и которую до сих пор замалчивает мировая пресса. Эта правда не из газет и журнальных статей, а из уст сербов «золотой пробы», о которых сами сербы, патриоты своего народа, славаут песни и пишут гимны.

Лживость – это нищета и неизлечимый недуг любой нации. Так пусть наши русские и сербские историки прислушаются к правде тех, кто разбросан сегодня по миру, но кто еще жив и хранит настоящую правду о войне, ведь *мы живем лишь настолько, насколько говорим правду*. А это значит, что все наши лживые слова, как и мы, когда-то неизбежно умрут, по словам великого сына Сербии святителя Николая Велимировича, потому что «все лживые слова и неискренние дела проистекают не из нашей жизни, а из смерти»...

Все мы знаем, сколько горя натерпелся в последней балканской войне сербский народ, испепеленный невыносимыми страданиями за судьбы своих сыновей. Почему же одних только сербов призвал к ответу Гаагский трибунал? Почему лидеры только сербской нации предстали перед так называемым «Верховным правительством», самопровозгласившим себя единственным справедливым и беспристрастным судьей и присвоившим себе право вершить судьбы мира? Этих ответов мы никогда не найдем в мировой прессе, потому что, по самому большому счету, война против православных сербов символизирует войну против православной веры и православной России.

Об этих событиях я писала несколько лет назад в православном журнале «Звонница», замаскировав героя моей книги простого сербского солдата с боевым позывным «Рэмбо» под другим именем. Он давал свое интервью в больничной палате, где залечивал после многочисленных операций огнестрельные раны...

Все еще было живо в памяти сербов. Впрочем, они уже никогда этого не забудут. «Зачем мы воевали?» – спрашивали себя солдаты югословенской национальной армии, когда их тащили в Гаагский трибунал, чтобы предать публичному суду и казни. Сначала они защищали свою страну – Югославию, а потом – дома и семьи, родные города и свой народ в землях Боснии. Они получали боевые награды за храбрость и мужество. Их считали национальными героями. А немного позднее они срывали эти ордена и кидали их в лицо молодым сербским адвокатам, оболваненным американскими рассуждениями о «новом европейском духе» и языческими баснями о том, что можно рай построить и на земле.

«Заблуждается всякий, кто разглагольствует о новом европейском духе, – писал еще в первой половине XX века сербский апостол, святитель Николай Велимирович. – Единственное новое в Европе – ее технический прогресс. А дух, посеявший в Европе нынешние нестроения и сбивший ее с пути, – это изначальный тлетворный дух язычества, лучше всего выраженный эпикурейской фразой “Станем есть и пить, ибо завтра умрем!”. Согласно этой философии, пока карман полон и желудок здоров, мы на земле в раю; когда то и другое нас предает, – спасает купорос».

Действительно, следуя рассуждениям сербского Златоуста, разве историческая миссия сербов в том, чтобы *быть худшими из европейцев и подражать самому дурному, что есть в Европе?*

Так для чего же воевал югославский солдат? Для чего положили свои православные жизни его боевые товарищи? Для того, чтобы нынешнее мировое правительство, следуя новому Европейскому курсу, заставило сербов *подражать самому дурному, что есть в Европе?*

Нет. Твердо «нет»! Это говорим мы, потомки русских казаков, воспитанных в верности православному Царю-батюшке, в любви к родной России-матушке и к отеческим гробам. А наших гробов много на Балканах и особенно – в Сербии, стороне-стороншке самых западных границ православных, испокон веку¹ хранивших Россию от попрания чужеземных религий.

Постигнув за свою многовековую историю дорогую цену христианского служения и страдания, сербы, как ни один другой народ в Европе, *прильнули к Царству Небесному*, как пишет Николай Сербский, ради вечного спасения, и заставить вытравить этот непоколебимый дух и веру в Небесное Отечество из памяти сербского народа не сможет никто и никогда!

В одном из интервью с сербским воином Драганом, проходившим лечение в Илизаровском центре, я услышала горькие слова: «Жаль, что русские люди мало верят. Когда я приехал в Россию, то спросил одного русского человека, какой он веры. Тот ответил:

– Не знаю. Я просто русский.

Тогда я сказал:

– Русский – это нация. А какой ты есть веры?

Но тот не знал, что ответить, и не мог ничего о своей вере рассказать. Мусульмане знают, какой они веры, они знают своего бога. А этот русский не знал православной веры, он ответил, что имеет какого-то “своего” бога.

Он ничего не мог сказать о своей вере.

А ведь такая великая русская нация!

Так было и в Югославии: не все знали Бога, не все веровали; не молились, не уважали посты. Но война снова научила сербов Православию, и они знают и уважают Церковь и Бога, чего раньше не было.

А России требовалось знать свою веру еще до войн в Чечне и Афганистане. Русские знают, кто они и кто их враг. Но они не знают своего духа. Поэтому я желаю русскому народу и русским солдатам крепче веровать!».

Эти слова пронзили мое сердце и оставили в душе глубокую рану. Неужели и нам надо испытать горькие страдания, чтобы также, как и сербы, понять, кто мы, и кто наш настоящий враг? Как бы и нам научиться, по словам сербского воина, познавшего цену жизни и смерти, «крепче веровать», чтобы быть по-настоящему великой нацией, населяющей Русь Святую, данную нам во обетование Вечной Жизни.

Свою книгу и свою любовь я посвящаю также сербскому солдату – из уважения к православной истории сербского народа, преклоняясь перед мужеством и стойкостью сербских воинов, удивляясь их неистребимой силе противостоять врагу до последнего!

Само имя Ратко созвучно старому славянскому слову «ратник», то есть воин.

Среди сербов издавна ходит притча о том, что скоро их останется столько, что всех сербов можно будет собрать под одно дерево. Образ сербского воина Ратко собирательный в той мере, чтобы через его судьбу и его отношение к миру приоткрыть характер и особенности человека, опаленного гражданской войной. Человека с изломанной судьбой, измененным сознанием, ставшего в тридцать лет глубоким стариком, но нашедшего в себе силы жить, не

^{1 1} Испокон веку – издавна, с древнейших времен, от века веков (синоним).

теряя себя, любить и жалеть людей, отдавая им то лучшее, чему научила его родная Сербия, ее многовековая православная история и культура.

Елена Кибирева,

член Союзов писателей и журналистов России

Часть I. О любви

В канун Рождества

Он пришел в канун Рождества.

С первым днем праздника родилась по-настоящему и наша любовь. Только что прилетев из Белграда, он явился в наш храм и, дождавшись меня у ворот церкви, тихо окликнул:

– Голуба...

И больше не вымолвил ни слова, только смотрел своими карими миндальными глазами прямо в сердце.

– Ратко! – Не знаю, удивилась ли я тогда или просто приняла все как само собой разумеющееся. – Я так рада тебе...

На следующий же день я получила сербский шоколадный ликер и чудные зимние розы. Как же они были хороши!

Он ехал ко мне из своей Сербии ровно три года и восемь месяцев. Конечно, мы оба знали, интуитивно чувствовали, что будем вместе. Знали это еще восемь лет назад, когда только что познакомились в больничной палате, куда его, замученного бесконечной чередой операций на родине, привезли из-под бомбежек Белграда в наш город.

– Помогите ему. Это серб золотой пробы, – звонок из Московской Патриархии решил судьбу боевого офицера, принявшего на грудь, в полном смысле этого слова, шестнадцать вражеских пуль.

Автомат прошил всю его левую половину сверху донизу, породнив до конца жизни с шестью пулями, одна из которых застряла в нескольких сантиметрах над самым сердцем. Он перенес уже более двадцати операций, чуть не потеряв однажды свою жизнь, и перенесет в России еще более десяти.

Он ушел на войну за православные земли Боснии в составе национальной Югославской армии, когда ему было двадцать четыре года. На этой же страшной войне погиб и его восемнадцатилетний брат, но это особый рассказ... Тогда я даже не догадывалась, насколько близко история Сербии коснется моей жизни и какой поистине непредсказуемый крутой поворот ждет меня через десяток лет.

К этой теме я еще не раз вернусь, а пока в городском аэропорту носилки с сербским героем встречает наш курганский писатель Виктор Потанин. Именно ему позвонили из Москвы и высочайше попросили принять участие в судьбе раненого бойца. Ратко была необходима срочная операция в Илизаровском центре. Загнившие боевые раны не давали жить – инфекция костей левой ноги могла иметь трагические последствия. Если бы, волею судеб, он уехал тогда в Австралию, то остался бы, в лучшем случае, без ноги.

Обоюдное внутреннее чутье говорило нам, что мы встретились не случайно, однако наши судьбы соединились в церковном браке много позднее. Конечно, хрупкое, но настоящее чувство распознать необыкновенно трудно, и я не знала тогда, что через эту неожиданную встречу и наши магнитные свидания отважусь написать книгу о моей необъяснимой, трогательной любви к Сербии и ее солдату.

«А ты – моя. И это от Бога!»

Он несколько лет подряд приезжал в Россию лечить израненное тело. Приезжал, лечился, уезжал. Встречались, общались, расставались. Последний раз уехал почти на три года со словами: «Вернусь. Будем женить...»

Любил он кинуть монетку не на орел и решку, а на ребро. Вся жизнь его, можно сказать, балансировала на ребре, и я особо не ждала его, но и не забывала.

Конечно, он приехал. Так должно было быть.

Знал ли, что едет ко мне? Или только думал об этом?! Или кидался мыслями: будь, что будет! Сейчас никто из нас не признается, что каждый ведал свою судьбу заранее. Видимо, мы оба ждали своего часа. И все было в этом ожидании: искушения, страдания, страсти, ошибки, разочарования, несбывшиеся надежды и мечты, сравнения, анализ и выбор. Выбор *своего* – того именно, что предназначено для тебя Промыслом. Это был трудный, извилистый путь длинной почти в десятилетие. Но и на этих путаных дорогах он, иногда останавливаясь, пристально смотрел в мои смеющиеся глаза и говорил вдруг уверенно:

– А ты – моя. И это от Бога!

Я, улыбаясь, пряталась от его нежного взгляда и со смехом, а, может, с лукавинкой, отвечала:

– Я не люблю тебя...

Мне казалось тогда, что мы никогда не будем вместе, и я стойко и довольно долго держалась от него подальше – лишь бы не попасть в общую обойму разбитых им сердец. А таких беспокойных женских сердец, мечтающих о настоящей «заграничной» любви, в нашей оскудевшей моралью стране было достаточно.

Позднее он часто спрашивал меня, путая мою человеческую заботу о нем с женской увлеченностью:

– Любишь меня?

А я, вполне искренне, отвечала:

– Нет.

Думаю, что он не верил мне и считал меня своей очередной жертвой.

Я ухаживала за ним с самых первых дней его пребывания в гнойном отделении Илизаровского центра ортопедии и травматологии, когда он, больной и беспомощный, не знающий русского языка, оторванный от своей привычной среды обитания, сутками лежал на кровати, страдая от депрессии и тоски по родному дому.

Посещать больного воина было моим церковным послушанием: я должна была покупать ему по его желанию воду, фрукты, сигареты и, конечно, шампанское. Шампанское он заказывал по особенным поводам: для врачей, медсестричек, заведующих бинтами и капельницами, и... непредвиденных случаев. И об этих случаях знали только мы вдвоем.

Приходя в люкс-палату к моему подопечному, я включала диск француза Джо Дассена, а заморский гусар открывал бутылку шампанского, и курс реабилитации больного начинался...

«Чего сердце ищет, то и глаз», – говорит сербская мудрость. Без знания языка, нам, конечно, трудно было понимать друг друга, но французская музыка, полусладкое, игристое шампанское, приглушенный свет и живые искорки в глазах сблизили нас так неожиданно и таинственно, что уже через несколько дней он звонил мне каждый вечер и говорил одну и ту же фразу, повторяя, а вернее пропевая ее по несколько раз:

– Лúблю тебя... Лúблю тебя... Лúблю тебя...

Я, как всегда, смеялась в телефонную трубку, принимая его первые русские слова за пустую шутку, и выстраивала внутри себя непробиваемую «бронь». Влюбляться мне никак не

хотелось, к тому времени я уже настрадалась от несчастной любви к своему неверному мужу и была разведена...

«Не люблю я тебя, бедный серб, – неслоь в моей голове. – Да и боюсь я новой боли». Но на завтра я снова покупала продукты и ехала в больницу – к своему молодому воздыхателю-иностранцу.

О своей жизни он рассказал мне в первые же месяцы нашего знакомства, как только, более или менее, освоил русский разговорный. Как же я была благодарна ему за это доверие.

«Лублю тебя», – говорил он с волнением, не выпуская из рук сигарет, которые курил одну за другой.

Он очень хотел, чтобы я поверила ему, когда он, глядя в мои глаза, говорил с сильным акцентом:

– Я хочу женить на тебе...

Я уже знала, что он одинок. Жизнь освободила его от семейных уз, когда он, истерзанный войной, годами лежал в военных госпиталях, «зализывая» свои боевые раны. Тогда ему только-только стукнул «тридцатник» – почти столько же, сколько больничных операций выпало на его горькую солдатскую долю. Многие молодые бойцы потеряли в те годы свои семьи, а когда им задавали вопросы, кто в этом виноват, они отвечали уклончиво: «Все сделала война». И больше уже никто не смел копаться в их трагических судьбах.

Сам о своем поражении на семейном фронте мой герой никогда не говорил и ничего из прошлой семейной жизни вслух не обсуждал. Знаю только от его друзей, что однажды, всего лишь однажды, он поднял на женщину свою тяжелую руку...

Пощечина

– Да ты – калека... – крикнула ему однажды женщина в порыве горячего разговора.

Именно этих слов он, обласканный народной любовью герой сербской войны, больше всего боялся услышать в свой адрес. Он пришел с войны с двумя боевыми медалями «За храбрость», защищая не только страну, но, прежде всего, ее, свою женщину.

Как посмела та, которую он так давно жаждал обнять, нанести ему смертельный удар?! Удар словом, которое оказалось острее кинжала! Наверное, он был виноват перед ней. Наверное, выронил где-то на войне и потерял навсегда слова нежности, наверное, мало любил – окаменело его сердце, война сделала жестким. Может, забыл, что обещал любить, может, другая пробежала по его солдатской судьбе...

«Ты – калека...» Слова эти все еще свистели в его голове, как вражеские пули. Они так и застрянут в его раненом сознании на всю оставшуюся жизнь. Да, теперь он калека. До конца дней. У него пожизненная пенсия от военкомата. Да и ту потеряет, уехав в Россию. Хромой и полурукий. Калека на весь остаток своей горькой солдатской жизни. Теперь он не сможет заработать приданое для взрослеющих дочерей, которые вот-вот на выданье. Не сможет носить нормальную обувь и всегда будет укорачивать одну штанину. Он, красавчик, на которого до сих пор мечтательно засматриваются молодки!

Он сам себе стал донором – реставрировал больные, изуродованные куски тела самим собой – из правой половины его здоровой плоти вырезали доноры-сосуды и вшивали их в поврежденную часть тела, изрешеченную пулями. Так он и лечил сам себя с помощью русских и сербских докторов Айболитов...

Он призван был самой жизнью работать на земле, чтобы кормить семью, призван был растить и воспитывать дочерей, заботиться о родителях, добывать в поте лица свой хлеб – косить траву, рыбачить, растить урожай, охотиться на дичь. Он был настоящим хозяином с явно выраженными инстинктами для выживания, данными человеку от природы. Он любил землю, любил садить, полоть и поливать в огороде, любил, жадно любил сам готовить пищу – в нем все было от страсти жить, дышать, быть полезным, необходимым, любимым и единственным мужчиной – хозяином жизни, семьи и любимой женщины. Именно хозяином своей женщины, что для сербов имеет сакральный, доминирующий смысл. И слова, в которых была горькая правда о том, что он калека-инвалид, с неожиданной и немереной силой резанули его по страдавшемуся гордому сердцу. Струна мужского самолюбия лопнула сама и... он впервые в жизни «ударил обиду», повредившую его душу.

А через год он уже был в России на новом переломе судьбы-судьбинушки.

Песни на чужбине

Далеко поскакали его кони-мысли – одна догоняет другую, а другая уже взмывает третью...

«Какое горькое испытание, – думал он, – жить на чужбине. А может, лучше было бы вообще не возвращаться с этой проклятой войны?»

«Где ты жизнь удалая, молодецкая? Без семьи разве есть настоящее счастье? Вдали от детей разве может быть настоящей радость?»

Без любимой и единственной разве можно быть стоящим мужчиной? Да и есть ли она, настоящая любовь?

Эх ты, житуха моя солдатская. Все по госпиталям да клиникам. Не думая, не гадая, стал перекасти-подем на чужбине, да и только. А спросите, такой ли я хотел для себя жизни? Нет. Живу, как не хочу, но как ветер дует, – то в одну сторону клонит, то в другую. Не видать мне родного больше края. Гонят меня, как лисицу из норы, хотят шкурку сдернуть. А где взять силы, чтобы жить дальше – так, как совесть велит, и как Бог призывает?

Да не кидайтесь вы мне, девоньки, под ноги. Не рвите за незрелые бока. Не вашего я поля крыжовник – пальцы до крови обколю, вкуса не дам, собой не согрею. Нет во мне любви и веры, одна кислота да зелень – желчь поражений, горечь разлук и пакость разочарований.

Душа моя изранена, тело усечено, голова кружится от звука свистящих вокруг пуль. Нервы быются, как у загнанной собаки, жилы скованы, взгляд хитрой лисицы. Всюду видятся охотники. Следы путаю, глаза прячу. Слезы высохли, сердце очерствело, нервы – струны мандолины, затронешь – лопнут.

Не готов я, не готов к покорности.

Не любите меня, чужие девоньки, не ждите. Не мечтайте о любви моей – растратил все. Горячо меня не обнимайте. Не целуйте, потеряв себя».

На какой-то миг его странные мысли оборвались, и он успел подумать с удивлением: «Что за чудные слова звучат в моем сердце?»

А вскоре зачерствевшая душа его взволнованно запела новую песню. Струны ее, точно старинные гусли, сами заиграли, трогая до боли за живое сердце...

«Где ты, доля моя, долюшка. Где ты, лю́ба, сердцу милая? Где головушка, куда склонюсь с покорностью, сам себя предав на плаху верную, где душа моя навеки успокоится? Потеряю ли еще раз голову? Буйную свою дурну́ головушку. Где ты, же́на моя сладкая, сердцу любая, душе угодная? Полюблю ли еще раз? Отдам ли жизнь свою на чужой земле, в чужой сторонюшке? Буду ли я мил по-настоящему милой любушке – судьбе моей? Где ты, сре́ча² моя, зláта лю́бая? Как найти тебя среди полей укóшенных? Нету солнышка в пустой душе моей, чтобы обогреть тебя, любимая. Нету влаги в сердце раненом, чтобы напоить водой живой. Все испакостили пули-вороны, выжгли внутренности, соль засыпали. Знаю, верю, ты придешь ко мне, любавушка, – моя лю́ба, же́на сладкая. Обогреешь нежным заревом глаз лучистых, карих, ласковых. Напоишь нектаром нежности, чтобы наповал и допьяна. Как украсть тебя у мира тленного, спрятать в доме и поставить сторожа? Где ты, птица вольная, свободная, птица счастья волка одинокого? И полюбишь ли меня, мате́рого – с сердцем дѣтяти, мечтой наивною?»

² *Среча* – старославянская богиня, которую сербы представляли в образе красивой девушки. Она прядет нить судьбы, нить жизни. У разных народов синонимы – «доля», «рок», «судьба», «жребий»... (Кононенко А.А. «Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии»).

Боже, где же лада³ белая, от Тебя мене суждённая. За нее сложу на плаху я свою буйную головушку. Жизнь отдам, укрыв собой ее, вынув сердце злому врагу...»

Незнакомая песня оборвалась. И только сердце одинокого зверя-волка знало-ведало, о чем оно поет и стонет.

³ Лада – по мнению многих исследователей (А.С. Фамицин и Б.А. Рыбакова) славянской мифологии покровительница весны, брака и любви.

Раффаэлло

Может быть, моя однотонная песня о новой любви покажется старомодной, но этих слов невозможно выкинуть из нашей с сербом жизни, потому что они дают силы, чтобы жить, и крылья, чтобы летать. Их не зачеркнуть писательской ручкой, не стереть школьным ластиком из сознания, не потопить в самом глубоком озере взаимной любви, не залить слезами человеческой радости.

«Раффаэлло, итальянская мечта» – так шутливо назвала моего заморского жениха его землячка – девчушка, проходившая сложный реабилитационный период после трудной ортопедической операции в клинике доктора Илизарова.

Я долго думала, почему именно это имя получил мой грозный дядька с Балканских гор, но каким-то внутренним чутьем понимала, что это рафинированное слово таит в себе некий смысл, который я, кажется, понимала.

Сам он, конечно, очень любил сладкое и мог за один принесет съесть целый карамельный торт или килограммовую порцию ванильного мороженого.

Еще раньше, во время нашего букетного периода, который, к счастью, затянулся на восемь лет, он вместе с традиционным шампанским (для меня) приносил моим детям забавные конфетки «Раффаэлки». Кокосовые конфеты в белой праздничной коробке, перетянутой красным бантом, были для нас большой сладкой радостью.

Я давно поняла, что он обладает талантом дарить радость. И делает это по какой-то внутренней потребности и всегда с огромным удовольствием.

К своим землякам-сербам, которые находятся на длительном лечении в Илизаровском центре, он приходит всякий раз, когда у него выпадают свободные минутки. Он помогает им осваивать русский язык и общаться с персоналом клиники и по просьбе врачей участвует в сложных ортопедических операциях в качестве переводчика с сербского. Он отзывается на всякую их просьбу о помощи и первый торопится исполнить многочисленные нужды земляков, оказавшихся в чужой стране без поддержки и знания местных обычаев.

Но особенную помощь он оказывает сербским подросткам, попавшим в суровые условия послеоперационной реабилитации, когда болевые синдромы месяцами не дают им покоя и привычного сна. Эти поневоле повзрослевшие дети, сознательно страдающие, вынуждены привыкать к продолжительной, изнуряющей боли, выматывающей их до изнеможения.

Особенно тяжелы эти переживания для девочек, страдающих врожденными дефектами, и для их несчастных родителей, всегда сопровождающих своих чад на длительных этапах лечения.

Болезненный комплекс неполной ценности мучает этих детей с самого детства, ведь они не такие, как их здоровые сверстники, не ведающие никаких проблем. Что ожидает в ближайшем будущем девушек-инвалидов, намаявшихся от нестерпимых болей и познавших настоящее горе? Никто этого не может знать. Они живут в ожидании положительных результатов и в надежде на полное выздоровление. Они искренне мечтают о доброй семье, о детях и о простом человеческом счастье.

В судьбе именно этих страждущих исцеления людей принимает участие Ратко. Он стал для них вестником надежды и радости. Слово «радость» заложено в самом его имени. Будучи сам неоднократно прооперированным и изведав боль, он явился для них примером того, как надо бороться и жить, преодолевая сложные жизненные невзгоды. Он сам – счастливый влюбленный и заражает своим счастьем окружающих. Он несет в себе образ Рафаила, что в переводе означает «исцеление Божие». И дети понимают его и любят как никто другой. Возможно, он явился для них символом светлого благополучия и безоблачного кокосового счастья. Таким видят его дети, потому что внутренне он наполнен доброй надежностью, светлой радостью и

нелицемерным сочувствием к людям – всеми теми качествами, которые он стяжал в борьбе за долгие годы выживания. Он – православный серб, которого вера научила жить по заповеди: *«Если же будет у тебя нищий кто-либо из братьев твоих, то не ожесточи сердца твоего, но дай ему займы, смотря по его нужде»*.⁴

Он сам светел и невольно тянет к этому свету тех, кто в нем нуждается. Он называет себя счастливым человеком и его счастье притягивает к себе как магнит.

За всю свою нелегкую жизнь он научился быть добрым и отзывчивым на чужую боль, потому что сам прошел через страдания. Он научился любить и быть верным, и не скрывал этих чувств от друзей. Он не утратил редкую в наше время добродетель – сочувствие человеческому горю и помогал, чем мог, каждому, кто просил его: «Помоги...»

Он видел смерть боевых друзей и юного брата и потому знал цену человеческой жизни. Он стоял насмерть, защищая свою землю, дом и церковь, в которой крестился. Война разрушила его семью и забрала мать, не выдержавшую потерь и страданий. Его левую половину насквозь прошил натовский автомат, а над сердцем пожизненно застряла смертельная пуля. Его собственная боль жила в нем, как раковая язва. Он весь изрезан был, зашит и кровоточил.

Но теперь он счастлив и по-доброму любит. И это состояние доброй радости оказалось нужно не только ему, но и тем, с кем он общается, кому помогает и кого нянчит в больничных палатах. Своей любовью он являет надежду тем, кто потерял интерес к радости жизни. Он стал для них примером «исцеления Божиего» – конфетным Рафаэлю, получившим уже свою счастливую, кокосовую долю. Он бережно несет факел, озаряющий не только его путь, но и временную дорогу своих друзей. Своей больной раненой ножкой он верно шагает рядом с ними на их больничном перегоне. Его счастье нужно им как заразительный пример волшебной сладкой сказки. Его счастье нужно мне и моим детям, потому что свет его доброго сердца разгоняет над нами грозовые тучи. Он дает нам силы, чтобы жить, и крылья, чтобы летать. С ним я увидела не только полную жизнь, но и ее прекрасные и нежные полутона.

⁴ (Втор. 15, 7-8).

Где ж ты, дева, – косы русые...

Конечно, он давно мечтал о своей желанной и единственной, чтобы добровольно отдать ей свое сердце и навсегда вверить свою судьбу: отдать всего себя вместе со своим тяжелым прошлым, с неизбывными скорбями и непосильными воспоминаниями, как болото засасывающими в пучину горьких страданий.

Где ж ты, дева – косы русые?

Он так много лет мечтал о ней, своей избраннице, – самой лучшей, самой чистой, той, на которую можно во всем положиться, во всем опереться, обо всем поведать. Той, которую он никогда не хотел бы обидеть. «Я боюсь обидеть ее», – он ловил себя на этих мыслях и точно знал, что та, чьих слез он никогда не хочет видеть, – желанная его женщина.

И она действительно пришла в его жизнь.

Пришла не потому, что так должно было быть по естеству, а потому именно, что он поверил в ее искренность. Он ждал именно ее – голубицу белую, трепетную и любящую. Збрю тихую – ласковую, нежную, покорную. Спокойную и никогда не повышающую голоса понапрасну. Жизнерадостную и веселую, уважающую людей и готовую приветить в их доме всех его друзей. Без крикливых нот в голосе, без пошлых жестов и грубых слов, без табачного дыма и пивного перегара. С прыгающими искорками в карих глазах и желанием нравиться только ему одному.

С васильками на окне, с незабудками в косе.

– Да что с тобой, дру́же? – рекли́ ему разгуляй-товарищи. – Уж не приворожили ли тебя?

– И пусть, – отвечал он с явным удовольствием.

Эх, дру́ги! Трудно вам поверить, что есть любовь на белом свете? Но он знал, давно знал, что будет именно с ней – своей збрей.

– А ты – моя. И это от Бога.

Эти слова он сказал ей много лет назад, не подозревая, что окажется прав. А она не поверила... и только улыбнулась в ответ. «Сколько женщин слышали твои речи?», – подумала она, и ушла в сумерки. А рано утром, ровно через восемь лет, по хрустящему январскому снегу он приехал к ней, именно к ней, из заморского царства, тридевятого государства и, нахлобучив шапку, робко позвал под венец – в ту самую церковь, в которой она много лет назад нашла серебряное безымянное колечко.

Колечко

Это было незадолго до нашего знакомства, но задолго до серьезных отношений.

Конец 90-х.

Заканчивался Великий пост. В храме отслужили Великую Субботу. В сочельник, накануне Пасхи, все мы пребывали в ожидании той Радости, которая, по словам отцов церкви, *упраздняет всякую печаль и скорбь*.

Плащаница, украшенная букетами из прекрасных белых лилий и роз, стояла под куполом кафедрального собора. Благоухание царского цветка окутывало всех, кто давал распятому Христу свое последнее целование.

В субботу, в половине двенадцатого ночи в храме началось чтение Великого повечерия. Службу возглавлял правящий архиерей. Церковный чтец, стоявший перед плащаницей посреди множества народа, торопился вычитать все молитвы. В двенадцать по полуночи должен был начаться Пасхальный крестный ход.

Все действия по подготовке к крестному ходу происходили спешно, но слаженно. Плащаницу перенесли в алтарь. Пока священство и клир во главе с архиереем готовили хоругви, служащие храма быстро разбирали стол, на котором только что покоилась плащаница, и убрали вазы с цветами, принесенными ко гробу Спасителя.

Вот уже прибраны почти все вазы с розами, осталась одна с белоснежными лилиями, центральная. «Скорее, скорее...» – торопят все вокруг. Я подхватываю и эту. Но что это блеснуло под хрустальной вазой?

Серебряное колечко «Спаси и сохрани».

Откуда? Как оно попало сюда? Я стою посреди храма в полном недоумении.

– Чье это кольцо? – спрашиваю на все стороны. – Чье кольцо?

Ответа нет. И я тоже не знала тогда, что сказать...

Но к Рождеству ответ прилетел сам. Прямо из Белграда. Приземлился в аэропорту любимого города...

Колечко то оказалось мне впору, я надела его на невестин палец и долго думала-гадала, что бы это могло значить в моей небогатой встречами и впечатлениями жизни.

Спас Нерукотворный в Преображенском на Литейном

В растрепанных чувствах приехала я в Питер – помолиться, поплакать, постенать о своей тревожной женской доле. Любит – не любит? Плюнет? Поцелует? К себе прижмет? Замуж позовет?

Да позвал уже замуж, позвал. Только зачем мне это? Есть ли воля на то Божия? От Него ли этот человек или от лукавого? Обидеть хочет? А может, посмеяться? Что делать? Как найти ответ? Говорит, что я его судьба. Не успел в дом прийти и пельменей маминых поест, а всем уже рассказал, что будет именно в этом доме жить. И сыну моему купит новые ботиночки.

Как говорят сербы, чего сердце ищет, то и глаз. Упал его глаз на меня, а мой – на него. Семнадцать лет тому назад это было, тогда еще даже раны его от пуль американских не зажили.

«Никогда я не буду твоей», – в лицо смеялась, откровенно говорила, и была уверена, что не хочу проблем с лихим ухажером. Просто никого не хочу. Да и мои семейные язвы еще не зажили. Насыпано в них было соли сто пудов. И вообще, непонятно, что у этих странцев-иностранцев на уме.

– Никто тебя не будет любить сильнее, чем я. Запомни.

Еще и запугивает. Хи-хи!

Мы сидим у придорожного кафе. Верить? Не верить? Вроде бы хочется верить. Но любить мне никого нельзя. А почему, сама не знаю. Может, и можно? Ну ладно, я – невеста. Меня замуж зовут. Копаюсь, роюсь в своих чувствах и вдруг совершенно отчетливо осознаю, что если бы я когда-то и собралась замуж, то только за него, за этого чумного серба. Чем-то он зацепил меня. Чем? Пока еще не знаю. Много его – шумный, неумный, цепляет взглядом как крючком, все замечает, все слышит, на все имеет оценку, умеет молчать, говорит горячо и думает быстро. Не мужик – кипятик. Даже мысли о нем обжигают. Фигаро сербского происхождения. Кажется, крепким мужиком пахнет.

Неужели ошибаюсь? Вот в таких страстях неумных и приехала я в стольный Питер. Искать ответов, искать чуда Божия и дерзновения – как бы мне у Самого Господа испросить знак: что делать? Подать руку сербу этому непонятному или погодить?

Медленно бреду по Литейному. Подошла к Преображенскому собору. Душа мятется, ищет ответы. Помолиться бы мне покрепче, вымолить знак какой. Себе не верю, ему не верю. Битая-перебитая по жизни – сама себе представляюсь. Зачем, думаю, мне снова хомутик примерять. Знаю, что замужество – крест не простой. И ответственность перед Богом!

В храме батюшка служит в алтаре и поет вместе с церковным хором. Кажется, соловьи и ангелы поют. Так красиво и слаженно служба выстроена. Душа наполняется необъяснимой благодарностью и замирает перед красотой богослужения. Стою перед алтарем, стараюсь молиться и все прошу дерзко: «Господи, если это мой человек, то соедини. А если не мой, то отведи. Только дай мне понять это. Именно Ты, Господи, дай мне знать, как поступить. Убежать и оттолкнуть? Или принять, как судьбу, как крест».

Служба идет. Батюшка вместе с хором возносит Богу песнопения. А я все повторяю и повторяю одни и те же слова, одну и ту же просьбу, одну и ту же молитву...

И вдруг замечаю, что стою прямо перед необыкновенной черноликой иконой в золотой ризе. Риза украшена многочисленными подношениями – крестиками, иконочками, подвесками из драгоценных камней, жемчугом, золотыми колечками. А с иконы строго и внимательно смотрит на молящихся «Спас Нерукотворный».

Из глубины каких столетий взирает на нас наш Спаситель? С каким упованием Он обращается к нашей бессмертной душе? Чего ждет от нас? Конечно, молитвы и покаяния. Покаяния, а значит, изменения ума. Старинная икона, так поразившая меня, приковала к себе вни-

мание на всю службу. И вот я уже на исповеди. Завтра надо обязательно причаститься. Ночь в тревоге. Чего-то жду. Душа прячется и трепещет от страха – завтра таинство великое.

Наутро снова в Преображенском. Готовлюсь причаститься, и все прошу и прошу ответа на свои немые вопросы и приговариваю: «Ты Сам, Господи, дай мне знак...»

И понимаю, что дерзновенно вопрошаю, но сама принять решение не могу. А ошибиться страшно.

Евхаристический канон – на коленках; так молятся в московском храме «Николы в Пыжах», где служит мой духовник отец Александр, – без единого слова, без тяжелых вздохов, затаив дыхание.

Но сейчас я в Санкт-Петербурге в Преображенском на Литейном. К чаше подхожу с волнением и страхом. Батюшка протягивает лжицу, а на лжице – две Божии частицы... Вот и ответ.

Часть II. О войне

«Я его таким совсем не знаю...»

Какое ароматное и сочное мясо на вертелё, запеченное по-балкански! Кто хоть раз попробовал эту мужскую еду, не сравнит её ни с каким другим блюдом.

В первый же наш вечер в январе 2007 года, когда Ратко только приехал из Белграда, за званым ужином собрались наши близкие друзья: соседи, сербы, лечившиеся в клинике Илизова, и врачи. Он приготовил это невиданное заморское блюдо и выложил ароматным, душистым мясом весь стол. И все гости кричали нам «Горько...», хотя о помолвке никто еще не объявлял. Как уютно было всем нам за этой братской трапезой, согретой теплом любящего хозяина. Как в родительском доме.

Эх, вертелó ты, вертелó!

Закрутило мою судьбинушку, завертело. Что выкрутишь? То ли радость? То ли грусть накликаешь? А вдруг раскрою свое сердце, а ты откатишься? Все равно возьму тебя в руки. И уже не вырвешься. Видать, на веку моем эта круговерть записана! А ниточка твоя, вертело, в моих руках, кажется. Да и твоя, Ратко!

Я долго пыталась понять, что происходило в его душе, сердце и в голове, когда он вернулся с войны. Что искал он на чужбине, почему несколько раз уезжал в Сербию из России и снова упорно возвращался. Почему так долго метался по чужим домам, что выискивал, кого ожидал, какую судьбинушку чуял.

Война разорвала сербские семьи на части. Все разрушила, все разметала. Вот и родной домашний очаг родительский погас в одночасье, когда сербские политики сдали его родной город после Дейтонских соглашений. Он и сейчас часто вздыхает: «Зачем воевали? Зачем столько жизней молодых сгубили?». Многие офицеры тогда ордена и медали с груди срывали. Не понимали, почему их заставили отступить и родные земли предать. Почему отдали штабные генералы их, сербов, родные дома, города и земли?

«Все сделала война!»

Все разрушила. Все испоганила. Жизнь перевернула.

И не находил он себе покоя ни после войны, ни после смертельного ранения, ни в клинике русской, ни в Боснии израненной. Душа металась и просилась в родной Ключ. Но город был уже чужим.

Пока жив был еще отец, он нет-нет да вырвется из России в объятия отчие. Но и отец ушел, вслед за сыном младшим и за женой. Упокоился.

Что теперь? Куда податься? В какую сторону пойти? И с кем делить судьбу?

Но, кажется, его в России ждут. «Поеду...»

Так однажды он решился и приехал в Россию навсегда. Навстречу матушке-судьбе и неизвестности.

Ему был почти сороковник. Но дни рождения он давно не праздновал. О них почти забыл. И не любил.

Но душа, его и моя, просили праздника.

Его юбилей мы отпраздновали шумно, в кафе с щемящим названием «Ностальжи».

Главное блюдо оговорено заранее. Жареная на костре свининка! Эту свинью, выражаясь фигурально, Ратко подложил под своих гостей к их большому удовольствию.

Пока я суежилась и переживала, какие заказать блюда на праздничный стол, чтобы все были сыты и довольны, он полдня жарил на костре поросенка на 40 кг весом и приговаривал: «Не волнуйся, всех накормим».

И действительно, все салаты и жульены заморские померкли против фирменного балканского блюда!

На праздник пришли все приглашенные. Никто не пропустил. Даже не всем, кажется, мест хватило. Сидели и вдоль столов, и поперек, и по всем четырем углам.

Свинья, зажаренная на вертеле на лесных углях, с ароматом дымка, произвела настоящий фурор в городском кафе. Гости ели от души, с удовольствием, то и дело фотографируясь с кусками румяной поросятины на тарелках, а мы только смеялись и предлагали: «Угощайтесь, гости дорогие...»

Официанты еще на кухне молниеносно разобрали «на пробу» сочные обрезки и свиные косточки, не попавшие на общий стол, так что и следа от аппетитной свиной туши не осталось. Разговоров и восторгов среди поваров было на несколько недель. В меню, конечно, такое блюдо заморское было не предусмотрено. А ведь рецепт самый простой – свинья да соль, да деревянный кол. Костер лесной да азарт лихой. Балканская кухня, и все тут!

Ратко многим казался разбитным и совершенно неумным. Любил всех и его все любили. «Сердцеед» – про таких, как он, говорят. Да, многие, кто его знал, считали, что никогда он не прибьется к тихой гавани. Он и любой берег – несовместимы... Но никто не видел, как в этот вечер он нежно, но крепко сжимал мою руку и тихо шептал: «Не волнуйся ничего. Все будет хорошо».

Гости веселились и отплясывали, как на свадьбе.

Они никогда еще не видели такой хлебосольной сербской трапезы. А Ратко заказывал одну за другой русские песни у оркестрантов и посвящал их мне и своему необъяснимому самому себе чувству. Он не думал, что сердце его так неожиданно раскиснет, и не ожидал, что кто-то разместится в его душе по-свойски. Но он сам этого хотел. И только его старый друг, доктор из русской клиники, где Ратко лечился много лет, смотрел на все происходящее «знающими», как казалось ему, глазами, прокручивал в голове какие-то старые кадры своего фильма и часто вздыхал, поднимая тосты:

– За Ратко и Елену!

А в конце вечера доктор крепко обнял нас обоих и без лукавства, глядя мне прямо в глаза, сказал:

– Я его таким совсем не знаю...

«Рэмбо»

Подробности о войне, которую пережил Ратко, он никогда не мусолил и большей частью умалчивал. И лишь однажды, когда он вернулся в Россию, чтобы остаться уже здесь навсегда, и когда к нам в гости пришел военный писатель, воевавший в составе русского СОБРа в Чечне, они вдвоем под крепкие мужские тосты напомнили друг другу некоторые страшные эпизоды балканской войны.

Эти рваные клочки воспоминаний потрясли и меня.

Позывной «Рэмбо» Ратко дали в тот момент войны, когда в составе «первого эшелона» он заходил в заминированные районы, выполняя приказы командиров. Так выпало на его горькую долю освободить и город, в котором он когда-то жил. Здесь стояла еще церковь, в которой его крестили, школа, в которой он учился, и дом, в котором жили его родители и прадеды. Отсюда он ушел защищать свою землю и очаг, отсюда ушел на войну его семнадцатилетний брат и живым в отчий дом уже не вернулся.

Горькая ракия (сливовица) стопка за стопкой развязывала языки матерых войников сербской и чеченской недавних войн.

– В этом году, девятого мая, я был на родине в Боснии, – говорил с горечью Ратко. – День Победы там празднуют, как и в России.

– Давай снимем фильм о сербской войне, – предложил русский писатель.

– Я могу многое рассказать...

– Нужны видеоматериалы того времени.

– Попробую добыть. Но смотреть это будет очень страшно, – воин Ратко ненадолго задумался и вдруг из его глаз потекла горячая...

Сербская самогонка сделала свое дело, жгучие и тягостные воспоминания войны вырвались из-за колючей проволоки его мозга и вытеснили собой хрупкий мир внутреннего самознания, язык сорвался с привязи и понесся описывать картину за картиной страшных, жутких, нечеловеческих страданий, выпавших на долю несчастных сербов.

Он рассказывал, а я видела обезумевшие глаза сербской женщины, которую силой удерживали, чтобы она до конца, не отворачивая головы, видела, как ее годовалого ребенка пожирает голодный лев за решеткой городского зоопарка.

Он говорил, нервно сглатывая слюну, а я словно вместе с солдатами – освободителями сербских деревушек, которые побывали под геноцидом, стояла у печи, из которой на поддоне вытаскивали зажаренных сербских младенцев. Зверство? Нет! Людоедство и сатанизм!

Он видел, как натовские бомбы и гранаты разрывали тела его боевых друзей, так что узнать, кто есть кто, и похоронить останки их тел, которые собирали частями с ветвей деревьев, было невозможно.

Помнят сербские солдаты и то, как разрывали пополам тела их боевых товарищей скрипучие трактора, превратившиеся в дьявольские колесницы. С сатанинской жестокостью привязывали непокорных сербов за разные ноги к адским машинам и тащили в противоположные стороны. Трактора двигались очень медленно, натягивая в тетиву капроновые канаты, впившиеся в ноги страдальцев. Наемники с повадками усташей (давних врагов православных сербов) по-звериному наслаждались картиной нечеловеческих страданий, упиваясь криками несчастных, плоть которых медленно, с изощренной жестокостью разрывали на части. Вброды прислушивались к каждому их стону, к каждому скрежету их зубов, к каждому звуку разорванной мышцы, к каждому хрусту костей. Они ликовали на своем шакальем пиру и это был не звериный, а сатанинский оскал.

Эти сумасшедшие сцены видел Ратко воочую, на его глазах тракторами разорвали тело его близкого друга. А ведь шел боец на побывку в родное село, но не на ту тропинку ступил

и попал в руки врагов, вот и принял мученическую смерть. Так всё исторически перемешано на Балканах – на одном метре село сербов, на другом село их ненавистников, поднеси только спичку – и вспыхнет дикая, неумная вражда.

Как можно было, увидев хотя малую часть этих зверских пыток, сохранить нормальной психику даже самым бывалым, матёрым солдатам? Как можно было удержать их от безумия отмщения – страшной, оборотной стороны гражданской войны? Не каждый выдерживал ад междоусобной бойни, люди умирали не только от пуль и снарядов, но часто от нервных срывов, психического истощания и от разрыва человеческих сердец.

* * *

Зловонным, черным пеплом накрыли Сербию натовские стервятники, по частям рвали ее тело. Где ты, Белый Ангел – Хранитель Сербии? Куда, в какие небесные обитатели ты уносишь души страдальцев, отдавших свои замученные жизни за вековую «косовскую правду»?

У Сербии забирали лучших ее сыновей, на долю которых выпали нечеловеческие испытания. Лютый враг Божий – сам Денница – вышел из подземного смрада, чтобы противостоять голубице Сербии. Его демонической ненавистью ко всему Божиему были одержимы черные бородатые наемники – убийцы славянского народа.

Все смешалось в этой войне. Многие сербы не понимали, кто, за что и против кого воюет. Города и села, с преимущественно сербским населением, они отвоевывали тяжелыми усилиями и большой кровью. А оставляли по приказу за несколько дней. Но главной целью врага, по мнению большинства сербов, было одно – истребить как можно больше потомков князя Лазаря.

Сербь всегда воевали с разорителями их исконных земель, защищая, но не нападая, но эта война была особенной. Черноликие бородатые рекруты с топорами и мачете под своими черными знаменами наводнили Боснийские горы. Они пришли с Востока и Азии под прикрытием натовской авиации. Они явились вместе со своими духовными лидерами, чтобы установить на Балканах свой закон и сломить хребет сербской нации. Они отрубали мачете головы служителям церквей, цинично позируя при этом перед камерами. Они вырезали сербский народ целыми деревнями, не жалея ни жен, ни младенцев. Они снимали фильмы о своих зверствах и выкладывали их в интернет. Все эти злодеяния видели солдаты боснийского сербского войска воочую, и трудно было остановить этих ребят, когда они жгли чужие дома с гробами, в которых прятались вражеские снайперы, и трудно было удержать их, когда они убивали вражеский скот – весь, до последней кошки. Ведь было немало случаев, когда обезумевших от атаки бойцов останавливали своими же танками, окружая их в кольцо и направляя пушки, чтобы отрезвить буйные головы, «парализованные» бесчеловечностью врага. Таково страшное лицо гражданской войны: если не ты поразишь восставшего соседа, то сосед истребит твой род.

– Я не чувствую себя виноватым... – говорил воин Ратко. – Я не убивал женщин и детей. Воевал только против мужчин с оружием. И только пулей. Я защищал.

Защищал, убивая врага с одного выстрела. А они не просто убивали, а мучили, пытали и издевались над сербами с дьявольским наслаждением, ликуя над тем, что уничтожают ненавистный им народ. Убивали десятками, сотнями, тысячами – стариков и старух вместе с женщинами и детьми.

Сербофобия – понятие, которое вошло в исторические словари мира и давно используется политиками для описания чувства ненависти к сербскому народу, его языку и вере, и как оправдание уничтожения сербов.

Хорошо знают сербы свою историю и помнят, как в Великую Отечественную войну приспешник нацистской Германии Петр Брзица, «кровавый усташ», казнил за одну ночь 1360 пленных сербов. Так что еще до начала последней войны сербские кладбища и старые могилы

хватали за ноги живых людей, так много сербов было уничтожено и неизвестно, где погребено, в Великую Отечественную. Ратко об этом помнил остро, как будто всегда с топором в спине ходил, и, когда говорили о войне, напоминал каждый раз, как массово и жестоко убивали сербов их вóроги.

* * *

Он мог одним взмахом кулака свалить любого – ударом правой в подбородок снизу. Еще подростком ему не было равных в уличных разборках.

Все потасовки – его, а «стрёлки» – как же без него?

Кулаки всегда в цене. В ресторанной драке в родном городе, который пришлось оставить после заключения Дейтонских соглашений, он мог поднять своего обидчика вместе со стулом и с одного маху вынести его через оконное стекло. И врукопашную сходилась в окопе с чернокожим натовцем насмерть. И понятно, кто остался из них живым.

«Мои предки хорошо воевали еще на Косовом поле и побили так много противника, что наша фамилия была преследуема среди врагов на протяжении нескольких веков, так что в годы гонений на сербов, чтобы сохранить наш род, многие отказывались от самой фамилии».

Как вы думаете, кто мне это рассказал?

Его силы-силушки боялись даже свои. Но эту удадь молодецкую, свое недюжинное здоровье он отдал войне, защищая сербов от геноцида и надругательств.

Много лет он рыскал по горам в траурной черной повязке на лбу – символ всегдашней скорби по утерянным друзьям. И не случайно боевые товарищи звали его Рэмбо. К тому же, он до сих пор жуткий красавчик, этот сербский боец.

Гороховое каменное поле

Югославию расчленили искусственно на протяжении многих веков. Разделяли по религиозному, национальному и территориальному признакам. Делили земли, на которых истари жили этнические сербы, на враждующие территории, создавали отдельные анклавы для православных сербов на территориях, где они веками жили свободно. Босния, Косово – это их исторические земли, за которые воевал князь Лазарь. У сербов отнимали святыни от войны к войне, от предательства к предательству, от геноцида к геноциду. Янычары, моджахеды, усташы, фашисты, новая Европа и НАТО, – каждый завоеватель становился варваром, вытесняя сербов-христиан с их исторических земель, разрушая сотни православных храмов и монастырей, оскверняя святыни нации.

Сербы, укрепляемые верой и любовью к Церкви и христианским святыням, защищали себя героически.

Одна немецкая журналистка спросила Патриарха Павла, может ли война быть праведной.

«Нас заставили воевать, поэтому наша оборонительная война и праведна, – ответил Святейший. – Тот, кто встает на защиту ближнего, имеет Божию благодать. Мы не нападаем и не завоевываем... Для нас, защищающих свою землю, и не помышляющих о чужом, это оборонительная война, благословленная Богом».

Вспоминая Великую Отечественную войну, Патриарх Павел говорил: «Один немецкий пастор в своей последней беседе перед уходом на пенсию сказал: “Мы, немцы, проиграли эту войну. Другие, лучшие или сильнее, выиграли ее. Но один малый народ завоевал моральную победу. Это народ с юга Европы, сербы. В Сербии мы за одного немца расстреливали сто сербов, в Германии в лагерях держали их офицеров и интеллигентов. Когда Германия пала и они вышли на свободу, мы не боялись их мести. Они нашим детям отдавали полученный от союзников шоколад. Тот народ – моральный победитель”. Есть ли та цена, по которой на зло можно отвечать злом? Нет такой цены! Повторяю: говорю не об отдельных людях, которых, как и везде, называют разными словами, а о народе в целом».

Завоевателем всегда движет жажда разрушения и уничтожения. И только народу, защищающему себя, присущ настоящий героизм! Именно таким героическим народом являются в глазах русских людей сербы. И именно поэтому мы считаем сербов своими братьями!

* * *

Есть святыня в Вифлееме, которую описали в своем паломничестве на Святую Землю русские монахи.

Народное предание гласит:

Богородица, подходя с апостолом Иоанном Богословом к Вифлеему, увидела на поле человека, который что-то сеял. Мать Божия поприветствовала его и спросила:

– Что ты сеешь?

Человек с затаенной злобой сказал в насмешку:

– Камни...

– Да будет по слову твоему, – сказала Пречистая и прошла мимо.

И сбылось Ее слово. До сего дня, пишет русский паломник, на той полянке находится много мелких, как горошины, камешков. Тысячи богомольцев ежегодно собирают эти камешки, но число их не убывает. И нигде более на соседних полях таких каменных горошин нет.

Так Пресвятая Владычица обратила злобу неверующего в оружие против неверия, в оружие против самого себя.

Сеющий зло пожнет одни камни. Как бы горох, который сеется со злом против каждого героического народа, защищающего себя, не оказался для завоевателей до скончания века каменным.

Матерь Божия и по сей день и час вразумляет нас и напоминает о тех плодах, которые посеяны каждым народом: кто со злом сеял, кто с добром.

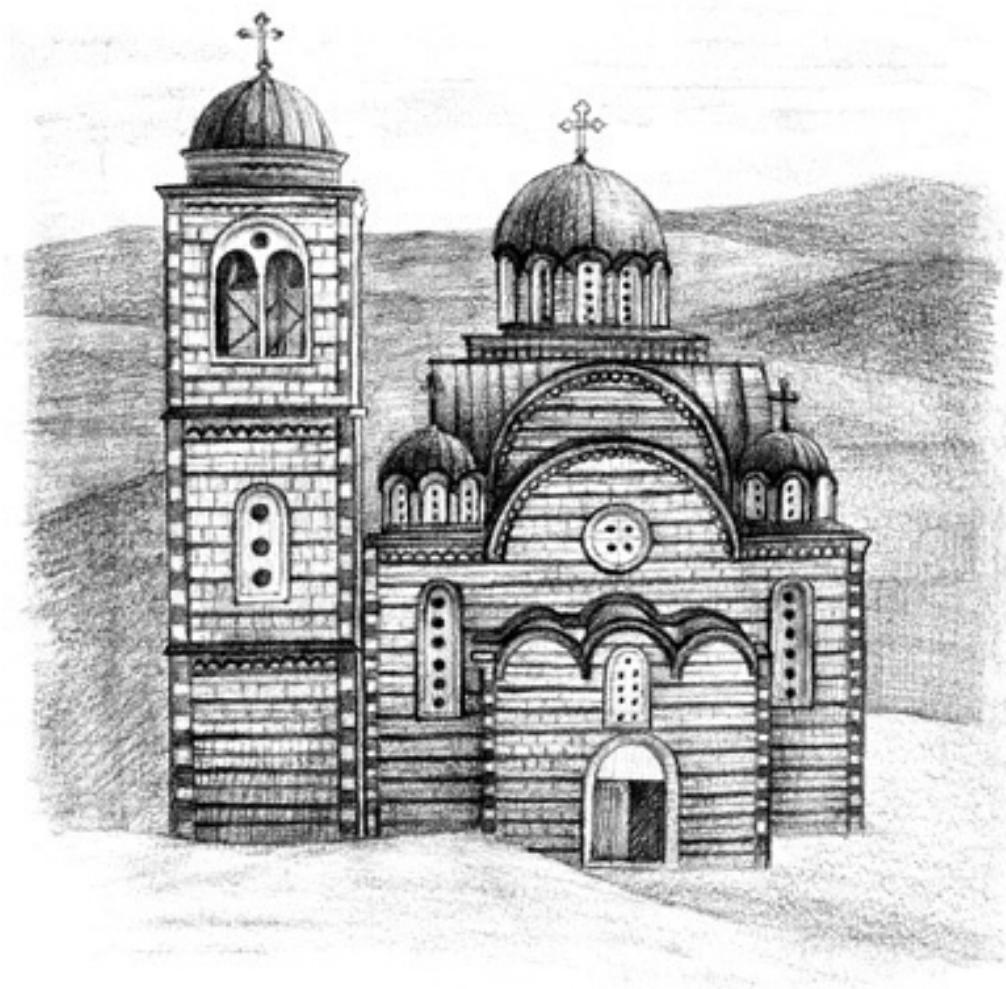
Если народы сеяли камни, их поля никогда не дадут плода небесного. И сколько не собирай камней с поля, засеянного злом, никогда оно не станет горохом, не даст добрых плодов, а только зло то будет приумножаться и никогда не истощится.

Сколько лет прошло с последней балканской войны!

На тех землях, где ненавистники убивали сербов – без разбора и молодых и старых, и стариков, и детей, и священнослужителей, и монашествующих – сербы своими невинными, мученическими смертями, по преданию о гороховом поле, «убивали» своих врагов.

Хочу подчеркнуть, в первую очередь, что я пишу об этих событиях, как об общечеловеческой трагедии, не умаляя и не преувеличивая страдания всех народов, всех матерей и всех детей! Войну развязывают не народы, а враги народов, враги человека, как творения Божия, – силы злобы, охотники за человеческими душами.

«Злодею всегда плохо, а зло несчастливо...» – говорил патриарх Павел, – но никогда злодей не признает себя виноватым, у него всегда виноваты другие. А христианин, даже ни в чем не повинный, всегда боится, что, пусть невольно, согрешил. Эта правда навеки соединяет все христианские народы. Как Россия, так и Сербия, никогда ни на кого не нападали, но защищались до последней капли крови, до героизма!

Храм св. вмч. Димитрия в Косовской Митровице (Косово и Метохия)

Я рассуждаю о войне и злодеяниях, опираясь на слова Сербского Патриарха Павла. В 1995 году, в Австрии, где он давал пресс-конференцию и честно отвечал на вопросы журналистов, его обвинили в том, что сербская Церковь призывает к войне. Вот его ответ:

«Обвиняют меня и Сербскую Церковь, что мы призываем к войне за великую Сербию. А я говорю – если бы великая Сербия должна и могла выжить только через злодейство, нет на то моего согласия, пусть не будет великой Сербии! Если бы так могла выжить хотя малая Сербия, и на это не соглашусь! Пусть не будет и малой Сербии, мы искупим ее! Но ценой злодейства – нет, никогда! Пусть нас не будет, но и в этом исчезновении останемся людьми Христа. По-другому мы не согласны жить ни за что. Разумеется, в этом суть: ведь мы знаем, что предки наши столько лет и веков были в неволе, но выстояли в правде, и всех нас сохранил Господь, который на стороне добра. Если нужно погибнуть, то лучше быть мертвым человеком, чем живой нелюдь!» Как вторят эти слова житию и подвигам сербского князя Лазаря!

Старое интервью

Война, которая, в конечном итоге, вылилась в войну против сербского народа, началась в 1991 году в Словении. Военный конфликт длился десять дней, в результате эта республика первой вышла из состава Югославии.

А 25 июня 1991 года о независимости объявила республика Хорватия. Но война здесь продлилась до 1995 г.

Во время боевых действий в Хорватии на территории этой республики был объявлен сбор в так называемую сборную Народную Гвардию хорватского войска, в которой служили хорваты-католики и наемные мусульманские солдаты-добровольцы. А когда военные действия из Хорватии перекинулись в Боснию, то эта Гвардия воевала уже против Сербского войска. Мусульмане и католики, входившие в состав хорватского войска, служили ранее в Народной Югословенской Армии наравне с сербами и сбежали из нее после развала СФРЮ (Социалистическая Федеративная Республика Югославия) в начале 90-х и после начала боевых действий в Хорватии. Оставшийся же состав Народной Югословенской армии был переформирован в Войско Сербское.

Как и у всякой державы, у Югославии было свое войско, свой Устав. В состав бывшей югославской армии входили и католики, и мусульмане, и сербы, и все они вместе были призваны защищать одну страну – Федеративную Республику Югославии. Но когда началась война в Хорватии, а затем в Боснии и Герцеговине, то каждый солдат захотел защищать свою республику.

Мусульмане, признанные Югославией как нация в 1974 году, хотели с помощью Запада любым путем войти в состав Югославии своей, отдельной республикой, и получить независимый статус. Хорваты защищали Хорватию. Сербы стояли за сербские земли. Так, в начале 90-х начался распад Югославии и единого югословенского войска, призванного защищать границы объединенных республик от нападения внешнего врага.

Но самый страшный удар был нанесен по Югославии, когда в ней, по принципу «разделяй и властвуй», была искусственно развязана гражданская война. Только разъединив территории и народы Югославии по религиозному признаку, изменив насильственно ее границы, разрушив ее национальную армию и опорочив лидеров народного правительства, можно было установить тотальный контроль над каждой республикой бывшей Югославии – над ее экономическим и военным потенциалом, над вероисповеданием и над волей самого народа.

Это и есть часть плана так называемого «нового переустройства мира», о котором так «заботится» военный блок НАТО. Они расчленили Югославию ценой демонизации отважного народа, сербов, исповедующих Православие, и сегодня то же самое происходит с Россией и с русскими.

Распад Народной Армии Югославии повлек за собой формирование в каждой бывшей федеративной республике своей армии по национальному и религиозному признакам. Так, в Боснии, когда из Народной Армии ушли хорваты и мусульмане, в составе югословенской армии остались в основном христиане, сербы по национальности. Сначала боевые действия в республиках разворачивались по принципу: «войско одной республики против войска другой», но затем все перешло в гражданскую войну – в войну одного народа против другого, в войну одной религии против другой.

Свои познания о том, как и почему началась война в Югославии я черпала из общения с сербами, приезжавшими в Илизаровский центр заживать свои боевые раны. У одного из них, боснийского серба Драгана Гаича, я взяла в 1999-м году интервью для православного журнала «Звонница». Переводчиком был Ратко. Вот что рассказал мне Драган о начале войны в Боснии и Герцеговине:

«В 1992 году, когда еще действовала Югословенская Народная Армия, на нее было совершено нападение мусульман-экстремистов. Это произошло в городах Сараево и Тузла в Боснии. Так к военному конфликту сербов с хорватами присоединились мусульманские экстремисты, и началась война между мусульманами и сербами за территории и линии связи. Народы открыто стравливали по религиозному и национальному признакам.

В эту войну было втянуто и гражданское население, потому что каждый хотел защитить свой дом, свою землю, ведь каждый народ исторически претендует на те земли, где жили его предки.

Много провокаций в сербских войсках было со стороны католиков-хорватов, которых давно прозвали в народе усташами. Мужская часть хорватского населения в Боснии в самом начале войны по ночам копала траншеи и перевозила оружие, вызывая и провоцируя национальные войска Боснии на ответные действия.

Можно сказать, что начало войны в Боснии развернулось как война хорватского войска против народного войска Югославии, а затем все перешло в войну народа против народа, в которой участвовало и население».

Далее все записано со слов сербского воина Драгана, участника событий.

Освободительные бои против хорватского войска за сербские города и села на боснийской земле сопровождались искусно спланированными провокациями со стороны наемников, прибывших из западных стран и стран средней Азии и воевавших на стороне хорватов. Эти вояки привлекали к своим операциям малых детей и престарелых женщин, не гнушаясь ничем.

В одном из сербских городов, который заняло хорватское войско, после того как этот город освободила сербская бригада, остались снайперы-наемники, которые тщательно замаскировались, так что их никто не мог определить. Они убивали сербских солдат, освободивших город, убивали мирное население, преимущественно православных сербов, но снайперов никто не мог обнаружить. И только тогда, когда заметили, что в один из пустовавших домов, где стояли гробы, постоянно ходит какая-то странная бабушка, католичка по вероисповеданию, стали следить за ней и сначала увидели, что она носит в этот дом пищу, а затем обнаружили в тех самых гробах хорватских снайперов, которых и кормила бабушка.

Были и такие случаи, когда в доме у женщин, чьи мужья воевали на стороне хорватов, обнаруживали целые радиопередающие устройства и так называемые маячки, с помощью которых они наводили оружие на различные объекты, в том числе и на мирные, социально значимые – узлы связи, школы, больницы, православные монастыри и храмы. Это, конечно, непростительно для мужчин, когда они втягивают в войну своих женщин – матерей, сестер, жен и дочерей.

Но это лицо гражданской войны, и здесь работает принцип: «Надо выжить... А для этого лучше убить...».

И не просто убить, а «раздавить гадину и ее гаденышей». Так думали все на Балканах – и по ту, и по другую сторону. Просто одни убивали с выстрела, другие – жгли в печах, скамливали зверью в зоопарках, разрывали тракторами, резали головы своим жертвам с особой жестокостью тупыми ножами и забивали людей молотками...

И далее Драган рассказывал:

– В сербском городе Купрес в начале войны с хорватами произошла страшная трагедия. Купрес – это небольшой городок с населением в десять-двенадцать тысяч человек. Так вот, в одну ночь в этом городе было убито около пятидесяти человек из первых лиц города, все они – православные христиане, сербы. Списки составляли заранее. В эту же ночь в Купресе были захвачены все стратегически важные объекты. Остальному же христианскому населению было сказано, чтобы оно просто оставило город... И люди вынуждены были уйти, иначе их просто бы вырезали вместе с детьми и стариками, чтобы занять их дома и земли.

Да, сербы, конечно, поняли все. Но даже и в этом случае людей пытались обмануть. Им говорили, со стороны экстремистов-мусульман, что они будут защищать сербское население от хорватов, однако к этому времени экстремисты с помощью западных кураторов организовали уже и хорошо вооружили свою армию. И со стороны хорватского войска сербам тоже говорили, что их, сербов, будет защищать хорватское войско. Но сербский народ не поверил ни тем, ни другим.

И Драган продолжил рассказывать о том, чему он был свидетелем сам лично:

– В одном из сербских городов уже приготовлены были хирургические инструменты и оборудование для изъятия органов у сербского населения, были приготовлены и контейнеры для их транспортировки. Об этом рассказал мне один врач-мусульманин, сосед, который должен был принять в этой варварской акции самое непосредственное участие. Вот такая была война с сербами – война за их органы.

Мы вели разговор в палате Илизаровского центра ортопедии и травматологии, где лечились сербы. Здесь же находился на реабилитации и Ратко. И он не выдержал накала разговора и вставил свою фразу.

– А как объяснить такое зверство... – голос его дрожал, – когда на глазах у нас подвесили пленного серба, как свинью, на крючки, на которых коптят свинские туши, цепляя их за лодыжки.

Разговор ненадолго прервался. Мы долго молчали, каждый думал свою думу. Солдаты – о том, что пережили в те страшные годы. Я – о том, предстоят ли такие же испытания нашей стране.

А гражданская война в Малой России уже стояла на пороге, и «грифы» с Балкан давно ждали новых костей, только уже донбасских героев.

– Какая это по-твоему была война и как разворачивались боевые действия? – Я уже не просто поддерживала разговор с югославским солдатом, а перешла по старой журналистской привычке на интервью.

– Самое главное на этой войне было выбрать правильную стратегию и занять стратегически важные объекты, чтобы держать все под контролем. В Боснии сербское войско удерживало шестьдесят шесть постов. С одной такой точки (например, в горах) можно было контролировать два-три города, и основные бои шли, конечно, за эти точки. А в 1995-м году в войну открыто вмешался Запад, то есть НАТО, и это уже была настоящая и жестокая война против сербского населения.

– Я знаю, что в Хорватии, где стояла сербская республика «Српска крајина» (сербск. яз.), в которой жило в основном сербское население, было очень много православных церквей, – допытывалась я.

– В 1995-м году все христианское население – семьдесят тысяч человек – было вынуждено уйти из этого края. А все православные храмы были разрушены. Их просто взорвали с помощью специальных взрывных устройств и гранат. Заранее вывезли всю церковную утварь, иконы и... взорвали. Все церкви до единой.

Сложный диалог ненадолго прервался.

Стук в больничную палату.

– Привет!

– Добрый день! – в гости заглянул военный писатель, наш друг...

Сигарета за сигаретой, и новые воспоминания сербских солдат о прошедшей войне продолжили сложный разговор.

– В городе Купрес, который я охранял в составе сербского войска, – медленно заговорил Драган, – церковь была разрушена артиллерийским снарядом, выпущенным на расстоянии 25–30 километров от города. Все, конечно, было спланировано. Им надо было разрушить христи-

анскую культуру и уничтожить Православие в Сербии. Взять, как у нас говорят, голову сербской нации.

– Конечно, это была не только война с сербским народом, но и война против России, и она касается того, что происходит у нас сегодня, – вступил в разговор писатель.

Он – боевой офицер и знал обо всем не понаслышке.

– Ведь Сербия – это самая западная граница Православия в Европе. Между Сербией и Россией только две православных державы – Болгария и Румыния, – отозвался Драган, – но католичество не прошло дальше Сербии, хотя враги пытаются любыми средствами подойти к границам России. Они давно уже целятся на Русь, но Сербия охраняет вас с запада, чтобы враждебная православию вера не продвинулась дальше.

В разговоре наступила продолжительная пауза.

Писатель, казалось, вслушивался в каждое слово, в каждую интонацию своего собеседника, в каждый его горестный вздох, вызванный тяжелыми воспоминаниями о войне. Он сам не раз видел врага в лицо, и хорошо знает, как его герои-земляки, спецназовцы, вступали с неверными в траншейный ближний бой там, где пуля молчит, а нож кровоточит... Он внимательно слушал рассказ югославских солдат, и они понимали друг друга с полуслова.

– Драган, а что вы видели, когда освобождали сербские деревни и населенные пункты?

– Одно зло. Зло даже не в том, что были разрушены дома. А в том, что делает война с человеком. Мы видели людей с выколотыми глазами, видели садистски изуродованные тела, массовые убийства. Видели, как к домам, где скрывались сербы, подгоняли, например, танки и расстреливали людей, направляя танковое орудие прямо в окна зданий, а окна больниц, школ и домов, где находились женщины, больные старики и дети, закидывали гранатами и боевыми снарядами, так что тела убитых, которых надо было хоронить, были разделены на несколько частей.

Да, действительно, это было лицо зла и оно раскрыло себя во всей полноте именно на войне против сербов.

Когда война в Боснии закончилась, только сербы увидели лицо этого беззакония – через массовые захоронения детей и немощных стариков, через огромное число людей, без вести пропавших, тела которых не найдены до сих пор.

Об этом не пишет мировая пресса, и никто не смеет пока дать историческую оценку геноциду сербов в этой войне, да и слово «война» политики тщательно избегают, называя ее военным конфликтом.

Словно вторя этим мыслям, сербский солдат озвучил свои страшные воспоминания:

– Как можно перенести страдания матери, которая стоит у гробов троих своих сыновей и оплакивает их гибель! Как можно пережить гибель малолетней дочери, изнасилованной группой бандитов на твоих глазах! Как можно пережить то, что большинство сербов уже никогда не будет жить в своих домах и никому не верит!

«Вот зло и его дьявольское лицо», – думал писатель и обратился к Драгану:

– Так за что же ты все-таки воевал?

– Сначала за то, чтобы спасти свою семью и семьи своих друзей. Но когда я увидел, что такое война и какие она принимает формы, то стал воевать за то, чтобы спасти сербский народ от геноцида. Спасти сербскую державу. Если народ будет иметь свою культуру, свою державность, то его не уничтожить. Поэтому я воевал за Сербию. Все сербы ратовали за одну идею – будущее сербского народа. За то, чтобы сербский народ сохранился, как нация, и чтобы сербы имели свою державу и всегда жили на своей земле.

Из разговора двух ратников...

За столом неспешно идет разговор двух бывалых ратников, один – с чеченской, другой – с последней балканской войны. О том, как с поля боя выносили трупы убитых солдат ценой собственной жизни, они говорят с особой горечью. Бывало и такое на их веку, что за двух убитых теряли троих живых и запивали гибель всех пятерых сорокапятиградусной «горькой» из полевой спиртовой фляжки.

Счастливы были те матери, которые сами хоронили своих сыновей, даже если их привозили без головы и узнать родное дитя можно было только по носкам, которые несчастная мать вязала когда-то для любимого сына.

А сколько было случаев, когда привозили гроб с убитым солдатом к вырытой уже могиле и мать, открыв крышку гроба, чтобы дать сыну последнее целование, издавала крики неподдельного ужаса, потому что в гробу лежал совершенно чужой ей человек.

Такие страшные гробы с перепутанными адресатами не раз сопровождал и Ратко. Не зря он часто говорил о том, что стариком стал чувствовать себя уже в тридцать с небольшим своих лет. Да, он действительно многое видел. Видел и то, как изверги играли в футбол, забивая друг другу голы головами сербских несмышленных ребят. Восемь мячей – восемь окровавленных голов – восемь мальчишеских жизней. И это действительно страшно. И понятно, почему молодые солдаты, видевшие эти нечеловеческие зверства, возвращались с войны седыми стариками с изуродованным сознанием и, придя без единого ранения домой, умирали в полном расцвете своих молодых сил. Умирали потому, что человеческое сознание не укладывает в голове то сатанинское зверство, с каким воевали враги сербского народа против православной Сербии.

НАТО – коршун планеты земля, клюющий всех до смертельной раны; гриф, питающийся не мясом, а костями. Операция по бомбежке мирных сербских городов называлась иезуитски «Милосердный ангел». Земли и реки Сербии безжалостно заражали, используя снаряды, содержащие высокотоксичный обедненный уран.

Количество людей, больных раком, после таких бомбежек и обстрелов увеличилось в Сербии на 427 процентов. Эти цифры озвучил один бесстрашный итальянский миротворец в документальном фильме «Страшный суд», его показали 19 апреля 2014 года по телеканалу «Россия 24», накануне Пасхи.

Несомненно, что история современной Сербии – это предупреждение всем нам и еще один кровавый шаг наших врагов на пути к России.

Сдаюсь, продаюсь... «Голая лошадь» в Купресе

1992 год, апрель-май.

В сербскую деревню под Купресом их боевая группа вошла одна из первых. Задача стояла одна – подготовить плацдарм для дальнейшего продвижения войск.

Ратко всегда был в первом боевом эшелоне и за время военных действий, развернувшихся на территории Боснии, послужил во многих бригадах. Командиры атакующих линий перед взятием новых рубежей запрашивали под свое командование именно его отряд, как самый опытный и дерзкий. Такие отряды (или бригады) называли «наступательный кулак».

В задачи «наступательного кулака» входили глубинные рейды и засады в тылу противника. В такие разведотряды собирают самые боеспособные единицы. Боевая и разведывательная деятельность в тылу противника входила и в задачи его отряда.

Его группа была нарасхват. Их назначали приказами в самые опасные районы наступлений.

Они шли впереди основных войск – в самых опасных, самых труднодоступных, самых активных точках – на пуле, на гранате, на огне...

Он был и разведчиком, и связным, и водителем тяжелой техники, и артиллеристом, и снайпером, и... Рэмбо, – поднимал в атаку и на траншеи своих братьев-солдат. Сам бесстрашно бросался навстречу смерти и других вел за собой. Помню, как один серьезный человек, военный, подсказал мне, что нельзя считать Рэмбо героем, потому что бросаться на пули глупо и пользы в успехе военной операции это не приносит.

«Ненужные жертвы», – сказал он.

Но Ратко ответил мне на эти недоумения по-своему.

– Были ситуации, – сказал он, – которые анализу и выдержке не подчинялись. Некогда было думать, сметут тебя или нет, когда в ближнем бою ты валился в чужой окоп и не знал, кто там ждет тебя. Все говорят на быстром сербском языке – и православные сербы, и хорваты, и боснийцы-мусульмане; все кричат, громко и испуганно: «Стой. Стрелять буду!» или: «Не стреляй. Я свой», или: «Не стреляй. Сдаюсь!».

В начале войны все противники воевали одним и тем же оружием, бывшим на вооружении Югословенской Армии, одеты были в одинаковую военную форму. Они все были просто югославы. Завод оружия для оснащения армии Югославии находился в Хорватии. Склады с военной техникой и снарядами были расположены по всей территории Боснии, «Калашников» – на вооружении у каждой стороны. Уже позднее, разделившись на враждующие стороны, солдаты стали нашивать отличительные знаки или перевязывать петлицы одинакового цвета ленточками, чтобы знать, кто свой, а кто чужой.

В его команде воевали бойцы, с которыми он знаком был еще со школьной скамьи. Уходили на войну, как призывники и как добровольцы, – все из одной местности, из одной деревни или города. Так и держались вместе. Действительно, как кулак.

* * *

В начале войны, в 1992 году, сербы придвинули фронт к хорватским позициям. Стояла задача – подготовить наступательный плацдарм на город Купрес.

Под звуки приближающейся сербской канонады хорватское войско отступало вглубь своих позиций.

«Деревня, которую мы должны были занять, – вспоминал Ратко, – почти опустела. Ни жителей, ни солдат. За Купрес воевали и хорваты, и боснийцы-мусульмане, и каждый оставленный ими дом таил опасность. Шаг за шагом мы проверяли каждый двор, каждую постройку...

Отряд распался на несколько групп. Время поджимало. К утру плацдарм должен был быть подготовлен.

Дверь того дома я выбил ногой – не знал, что шел на вооруженного до зубов солдата. Ворвался я, как зверь, не думая об опасности. Глаза горят, голова на все стороны вращается, руки автомат сжимают до ломоты, на лбу черная повязка. Думал, нет уже никого в доме. “Сдавайся, кто есть...” – кричу на всякий случай. И вдруг слышу истошное: “Сдаюсь, продаюсь, пощадите!”. Увидев меня, перепуганный солдат бросил оружие и забился под кровать. Животный ужас охватил его нутро. А около кровати у него пулемет стоит и гранаты вокруг разбросаны. Но напугался он не моего оружия, а гнева и огня, пламенеющего в глазах. Просто я глазами его высверлил.

По законам войны я должен был убить его, в доме он был один. Кричал он истерически. Убить такого солдатика было для меня невозможным. Надо было, конечно, довести его до лагеря пленных и сдать. Но все во мне перемешалось – желание отомстить за забитых молотками детей и стариков и жалость перед его страхом и беспомощными криками “Пощадите!..”

Ужасающие картины “выжженной земли” уже не так пугали, как в первые недели войны, но злоба и вражда не утихали. Я сам кипел, и ненависть огненная пылала во мне. Сколько погибло моих товарищей из бригады. Я сам развозил их в гробах матерям. Не дай Бог никому переживать такое горе. А скольких смертельно раненых бойцов из моей бригады надо было вытянуть на себе с поля боя, чтобы не оставлять врагу. Вся одежда моя была пропитана кровью героев...

Один раз я пришел в свой дом после боя и вся одежда моя была в крови. Мать несколько часов руками отстирывала эти страшные пятна, но невыносимый запах человеческой крови стоял в доме три дня – и никакое время не может ее “смыть”.

Да, убивать всегда страшно. Но я не нападаю. Я защищаю. И в этом моя правда.

С каждым днем войны солдатских слез становилось все меньше и меньше, хотя сердце все равно сжималось от жалости, потому что было человеческим».

Он ненадолго замолчал.

«Этого хорватского бойца из Купреса я запомню надолго, – рассказ продолжался.

“Сдаюсь! Продаюсь!” – долго вопил солдатик.

Но не тронул я его.

На дворе была посевная. А коней у сербских крестьян почти всех хорваты истребили. Да и сеять-то некому было, вместе с лошадьми все их хозяева полегли – кто без головы, кто с ножом в спине, кто с пулей в сердце...

Нашел я в соседнем дворе конскую сбрую, одел ее на бойца – бывшего молодца, соху привязал. Но для интереса и чтобы злость усмирить заставил его всю одежду снять.

И “поскакал” он на поле.

А что? Коня ведь без штанов землю пахнут.

Пропахал он так километров пять.

– Кричи по-лошадиному, – плетка уже на спине...

– И-и-и-го-го, – лошадино-человеческое ржанье разверзло воздух.

– Громче!

“Лучше, думаю, тебе в упряжке быть, чем в могиле оказаться”.

“Голая лошадь” с перепугу скачет как умеет.

– Ноги выше... Быстрее... Ржи громче...

“Лошадь” во всей конской сбруе нагольї скачет дальше. Устала-замолчала.

– Ржи, ты же конь, – толпа собравшихся поглазеть на небывалое зрелище, не знает, смеяться им или плакать, но улюлюкает, хлопает, стреляет в воздух, подгоняет бедного “иноходца”.

– И-и-и-го-го...

– А теперь беги...

С “коня” сняли сбрую. Может, пригодится еще... И отпустили бедолагу в чем мама родила.

– Беги, моя пуля не догонит.

И отпустил чужака наудачу.

А город Купрес в 1995 году, после заключения соглашения в Дейтоне, все равно пришлось оставить и отдать...»

Ключ от города Ключ

После боев в Купресе в начале лета 1992 г. Ратко дали семь дней отдыха. Он вернулся в родной город Ключ. На груди висела его первая из двух медаль «За мужество».

В Ключе стоял его дом, жили родители. Население города, численностью около 20 тысяч человек, составляли как сербы, так и боснийцы мусульманского происхождения или, как их еще называют, бошняки. Бошняки – это обращенные в ислам южнославянские народы Боснии и Герцеговины. В годы нахождения Боснии в составе Османской империи (с 1463 по 1878 гг.), сербов-славян принудительно отуречивали и под страхом смерти заставляли принять ислам.

В городе Ключ сербы и боснийцы жили веками дом в дом, окно в окно и знали друг друга с детства – вместе учились в школах, играли во дворовые игры, гуляли друг у друга на свадьбах, вместе варили горькую ракию и поднимали общие застольные за Югославию. У них была одна история, они пели одни песни, по-соседски уважали друг друга и говорили на одном, сербском языке. Но пришла гражданская война, которая разделила всех на своих и врагов. Все заклокотало в 1990-е на Балканах, все старые раны-вулканы проснулись и забурили.

Бывшую республику Югославии, Боснию и Герцеговину, в путеводителях называют страной крепостей. Это территория бесконечных гор и полуразрушенных старинных крепостей, замков, древних фортификационных сооружений и башен. За боснийский город Ключ во всех балканских войнах шла особая борьба, так как его расположение имело стратегическое значение. Ключ – город, стоящий на отдельной острой скале, к западу от большого города Баня-Лука, столицы «Республики Сербской», входящей в состав Боснии и Герцеговины, и назвали его Ключом не случайно. Дорога, ведущая из Баня-Луки в республику «Српска Крајина» (после последней балканской войны отошла к Хорватии), проходила через Ключ и вела далее в Хорватию. Сейчас республики «Српска Крајина» нет, ее забрала, поглотила, полонила Хорватия, изгнав из нее сербов. Так из 78,8% территории БиГ, которую населяли сербы, их сжали до 49%.

И «Сербская Краина», и «Республика Сербская» – места компактного проживания сербов на территории Боснии и Герцеговины. Когда начались активные военные действия на границе двух бывших республик Югославии «Хорватия» и «Босния и Герцеговина», сербов изгнали с проживаемых территорий, в том числе из республики «Српска Крајина», образовался огромный поток беженцев, который ринулся в Баня-Луку и далее в Сербию через город Ключ.

Ключ – древний город-крепость. Стоит он на проходе к долине реки Сана, как бы отпирая и закрывая собой, как ключом, ворота между Хорватией и Боснией.

В чьих руках город, говорят на Балканах, в тех руках и ключ от Боснии. Город этот открыл для Османской империи в 1463 году доступ в Боснию, он был последним оплотом сопротивления туркам и взяли его турки коварством и хитростью.

С самого начала боевых действий в Боснии за Ключ шла ожесточенная борьба, как в его окрестностях, так и в самом городе. В сербских деревнях вокруг Ключа, наименее защищенных, уже давно хозяйничали враги сербов, а в самом Ключе все социальные и административные объекты, особенно православные церкви, больницы и школы, были заранее отмечены на военных картах, как цели первого поражения, и при подготовке наступления на город мусульман-сепаратистов на них уже стояли маячки для прицельных артиллерийских обстрелов.

Какое-то время город жил мирно. Но постепенно обстановка в окрестностях накалялась. Потянулись нескончаемые вереницы беженцев из Краины в сербскую сторону. Постепенно сформировалось войско хорватов и боснийцев численностью 350 тысяч человек, хорошо вооруженное. К ним присоединялись наемники из западных стран и Средней Азии и авиация НАТО. Они наступали на свято-савские земли и их целью было, конечно, завоевание, разруше-

ние и изгнание сербов. Особенно жестокие расправы были над сербскими деревнями, мало защищенными или брошенными на произвол судьбы.

Чтобы завоевать столицу Республики Сербской Бая-Луку, надо было взять Ключ. Командование боснийских сербов понимало коварные замыслы неприятеля и для подкрепления и в ответ на истребление сербов в Ключ пришли солдаты новых формирований из Белграда. Они уже были наслышаны о зверствах боснийцев в сербских селах. Желание у них было одно – ответить адекватно.

И началось... Аресты наиболее активных и сопротивляющихся боснийцев, проверки документов для выяснения личности...

Арестовали почти всех мужчин-бошняков из района, где стоял дом Ратко, – без разбора, без суда, просто для выяснения и по принципу «кровь за кровь». Но он-то точно знал, что именно эти мужики в ту ночь, когда вырезали очередную сербскую деревню, гуляли на одной свадьбе на его улице и были ни при чем. Мужиков согнали во двор, поставили охрану. К операции привлекли и Ратко, он должен был конвоировать пленных и участвовать в установлении личности каждого. Ключ – городок небольшой, и его жители знали друг друга с самого детства. Ратко знал всех своих земляков не только в лицо, но и кто как учился в школе, кто как забивал мячи в ворота, стоявшие на футбольном поле в соседней школе, кто какую невесту взял и у кого вкуснее ракия.

Он знал почти всех до одного, кого арестовали в эту ночь, и понимал, что домой они могут уже никогда не вернуться. Среди них были почти одни старики, в том числе жених со вчерашней свадьбы, его отец, отец невесты и гости, все из одного рода, около 100 человек.

К этому времени большой двор, превращенный в лагерь пленных, пополнился множеством незнакомых и страшного вида боевиков, которых согнали сюда же. Моджахедтов с длинными бородами и не знающих сербский язык он уже не раз встречал в горах Боснии и знал, что это наемники, убивающие сербов за деньги. Их взяли при штурме пригородных сел, где жило, в основном, сербское население. Впрочем, население было зверски вырезано, а в дома сербов заселились бородатые иноземцы, завладевшие сербским добром. В такие именно сборные пункты заходил Ратко и выдергивал, спасал земляков-боснийцев, кого знал, кого успевал, выводил из строя пленных и уводил разными путями и разными способами. Какими – знает только он.

– Ты, ты и ты, выходи... На рытье траншей...

– Ты, ты и ты, выходи... На разбор завалов...

– Ты и ты... Разминировать...

– А ты еще слишком мал. Брысь отсюда.

Около сотни жизней спас Ратко от несправедливой расправы. Сколько добрых слов было сказано его родным за спасение соседей-мусульман. И до сих пор ему шлют в сетях благодарности от земляков, которых уберег он от лютой смерти и которых спасал целыми семьями. И не одну.

А в 1995 году город Ключ атаковали враждебные и хорошо вооруженные войска. Хорватские и мусульманские наемники, объединившись, при поддержке натовских кураторов, поставили кровавую задачу – любой ценой взять Ключ, завоевать эту ключевую горную высоту, чтобы подготовиться к наступлению дальше на Сербию.

Две недели шли непрерывные жестокие бои за город. Но город был обречен. Ключ взяли предательством.

Не известно до сего времени, по чьему приказу сербские генералы начали отвод из города действующей армии. Предупредив всех горожан, что город будет сдан, войска начали отступление. Отступали спешно, стараясь сохранить основной костяк сербских бойцов. Опустили муниципальные здания города, а секретные архивы и списки имен сотрудников местной администрации, кадровых офицеров из управления МВД и военкоматов оказались в открытом

доступе. И теперь враг знал все: кто из сербов служил, где и с кем воевал, в каком был звании, где родился, где жил и кто родственники. Случайно ли оставили в городе архивы – не понятно. Думаю, что нет.

Конечно, это была тщательно спланированная и подготовленная, замешанная на предательстве операция.

И уже много лет сербы – военные кадровые офицеры и офицеры МВД, гонимые и преследуемые, скрывают свои имена, местонахождение и свое прошлое, опасаясь новых репрессий. Ведь война западного мира против сербов, впрочем, и против русских, еще не окончена.

Коридор

Лето 1992 года.

Это была ловушка. На узком перешейке Дервента-Босански Брод-Босански Шамац сербов, полтора миллиона человек, заперли, отрубили им выход из окружения и путь к главной дороге на Белград.

Перешеек, который был единственной «дорогой спасения», мог сжаться в любой момент, и погибли бы уже не тысячи, а миллионы сербов. Они оказались бы намертво заблокированы и отрезаны от спасительного коридора. Только по этой дороге сербские беженцы могли переместиться в безопасные места, ближе к границе с Сербией и к Белграду. Они были изгнаны из своих сербских анклавов в Боснии и с малыми детьми, стариками, домашним скотом и тяжелым скarbом двигались этим единственным, но небезопасным коридором, чтобы спастись. Именно за эту дорогу жизни действующая армия сербов вела ожесточенные бои. Воевал здесь и Ратко. Операция называлась «Коридор-92».

Он помнит эти четыре дня жестокой мясорубки.

Погибали тысячи невинных людей. Их преследовали натовские бомбы. Поднимать в воздух сербские ВВС, чтобы защитить людей и армию, было запрещено, небо для них было закрыто. А Натовцы бомбили не только огневые точки, но и бескончаемые потоки несчастных беженцев. Очень много без вести пропавших сгинуло в этом коридоре, их косточками покрыта, устлана дорога, ведущая из Боснии в Сербию, и все соседние леса.

Беженцам перекрывали все пути отхода к границе с Сербией и все теснее сжимали коридор, обстреливая безоружных людей со всех сторон. Действительно, это была дорога смерти и дорога жизни одновременно.

– Ошибку сделал один хорватский командир, – рассказывал Ратко. – Испугавшись наступавших воинов-сербов, он бросил стратегически важную высоту, оставив свое боевое оружие.

Этим и воспользовались сербы и ринулись раздвигать коридор, не щадя себя. Шли навстречу собственной смерти, на пули, на ножи, на танки, на огонь – бежали просто наудачу, на материнскую молитву, на помощь своей родовой славы – кто без ума, кто на милость Божию, но цель была одна – прорвать, продавить своими хрупкими жизнями блокаду. Другой цены не было.

По этому коридору, как по Ладожскому озеру, пролегла единственная «дорога жизни», по которой везли для действующей армии продовольствие из Сербии, оружие и военную технику, медикаменты. Здесь же шла на подмогу живая военная сила из Белграда и оставалась последняя возможность уйти от смерти сербам, гонимым из сараевских деревень и из Сербской Краины.

В этих боях решающие битвы велись в траншеях, а главным оружием был нож. Противник давно закрепился на самых выгодных высотах этой сложной местности, вырыл траншеи и вел прицельный огонь, сжимая с каждым обстрелом узкое горло дороги жизни.

Знал Ратко – выбора уже нет. Здесь – или жизнь, или смерть! Потомки усташей пощады не знали. И он шел на пули... Против себя шел, против своей жизни... А иначе прорвать коридор было бы невозможно.

Какая сила ведет воина в правом бою? О чем он думает? И думает ли вообще? Никто не ответит. Просто надо бить врага, спасать людей и оставаться живым!

А там – как повезет.

Коридор высекали, прострелили, можно сказать.

Выстелили многими сотнями жизней.

Это была его вторая медаль «За храбрость».

«На войне правды нет», – эту фразу я услышала от него совсем недавно и задумалась. Почему он сказал эти слова? Имел ли право?

«Да, имел!», – сама себе ответила.

В гражданской войне мирные люди погибали тысячами, не понимая, что с ними происходит, не ведая, кто и куда их гонит из родных сел и домов. Солдаты, бывшие соседи, вставшие с оружием друг против друга, разделенные убеждениями, враньем политиков и предательством вождей, шли на смерть, чтобы защитить свои земли. Где, чья была земля и чья стала после Дейтонских соглашений? Зачем воевали, зачем погибали? Зачем загубили столько невинных жизней? Зачем убивали молодых женщин и в силе мужчин? Сколько детей не родилось! Сколько матерей поседело! Погибали и други, и враги, и солдаты, и малые дети. Сколько раз обжитые земли и родные села переходили из рук в руки – то к чужим, то к своим. Дейтонские соглашения свели к несправедливости все жертвы и подвиги многонационального народа бывшей Югославии.

Жертвы, принесенные балканскими народами за «свои» земли и «свои» дома, оказались напрасными.

Политики, обманутые ложными гарантиями мира, смешали все, предали солдатские подвиги многонационального народа, предали слезы сербских, боснийских и хорватских матерей и растерзали Югославию на кровавые куски по плану заокеанских и западных глобалистов-стервятников.

За что боролись на этой войне солдаты и кто победил? Зачем погибали, зачем убивали? Зачем из людей превращались в зверей?

Прав Ратко! Не нашел он правды на войне!

«Может ли война быть праведной?» – спросили сербского Патриарха Павла австрийские журналисты.

И он ответил:

– Нас заставили воевать, поэтому наша война – оборонительная и праведна. Тот, кто встает на защиту ближнего, имеет Божию благодать. Мы не нападаем и не завоевываем. Для нас, защищающих свою землю и не помышляющих о чужом, это – оборонительная война, благословленная Богом!

Вот еще одна притча, рассказанная патриархом Павлом. «Змея мудра, потому что бережет голову: если ей отсечь хвост, голова все же останется. Мудра потому, что умело избегает опасности. Голубь – олицетворение беззлобности, доброты. То есть ум дает нам свет, он – наши внутренние очи, но он холоден... А доброта – тепла, но она слепа. Сущность – в установлении

равновесия между умом и добротой. Ум без доброты переходит в злость, а доброта без ума – в глупость. Мы страдаем потому, что идем Христовым путем... Мы часто вели себя как голуби, не понимая, что живем во времена, когда змей больше, чем голубей».

Одни враги, одни подвиги...

Сербы особо чтят память боевого офицера Милана Тепича, национального героя Сербии, совершившего подвиг при обороне военного склада близ города Бьеловар. Хорваты, атаковавшие осенью 1991 года сербский город Бьеловар, имели численное преимущество, и их целью было любой ценой захватить военный склад оружия и боеприпасов в Беденике. Командовал хорватами дезертировавший из регулярной армии Югославии подполковник Йосип Томшич.

Отдав приказ своим солдатам отойти на безопасное расстояние, сербский герой Тепич, командующий складом боеприпасов, заперся внутри начиненного оружием склада и, подпустив хорватских бойцов поближе, взорвал склад вместе с собой, погибнув как настоящий герой. Вместе с майором Тепичем погибло около 200 неприятельских солдат и офицеров, многих других просто не опознали. Так ценой собственной жизни он предотвратил вооружение многочисленного хорватского войска, направлявшего оружие югославской армии на истребление сербов, и уничтожил множество врагов, не пощадив своей жизни. Майору Тепичу было 34 года. В Белграде ему установлен памятник. Народным героем он провозглашен посмертно.

Подвиг майора Милана Тепича сербы сравнивают с аналогичным подвигом воеводы Стефана Синджелича, который в 1809 году погиб, выстрелив в бочку с порохом, от взрыва которой был подорван мост и погибло огромное количество янычаров, осадивших сербские земли.

И как не вспомнить здесь подвиг лейтенанта Александра Прохоренко, офицера Сил специальных операций, героически погибшего в Сирии 17 марта 2016 года.

Попав в окружение бандитов под Пальмирой и не имея шансов отступить, передовой авианаводчик Александр Прохоренко вызвал огонь русской авиации в собственный квадрат и похоронил вместе с собою множество джихадистов, жаждавших возмездия русскому офицеру.

Александрю было 25 лет, звание героя России ему присвоено посмертно. Героическая смерть Александра вызвала шквал восхищения в западных СМИ, а журналисты назвали его античным героем, погибшим за Пальмиру в борьбе с варварами.

Подвиг офицера Александра Прохоренко настолько порастил иностранцев, что в Италии, стране НАТО, герою России установлен памятник.

Принципиально не хочу здесь писать слово «нато» прописными буквами. Так что простите, буквоеды, и не сочтите за безграмотность.

В феврале 2018 года русский летчик Роман Филипов, майор, совершавший облет зоны деэскалации в Сирии, был сбит выстрелом из зенитного ракетного комплекса и вынужден был катапультироваться. Окруженный боевиками, он отстреливался из единственного пистолета, а когда джихадисты подошли к нему ближе, он взорвал себя гранатой со словами «Это вам за пацанов»!

Эти подвиги русские офицеры совершили вдали от России, но отдали они свои жизни, служа Родине!

«Почему русские убивают, ведь они христиане?» – захлебывалась ядом западная пресса. Если надо объяснять, то объяснять не надо...

А мы вторим Антиохийским епископам:

«Самое ценное – это русская кровь, пролитая на этой войне. Русские – это не наемники и не за деньги они воевали в Сирии, а за Христа, за правду...»

Два народа, две сестры – Сербия и Россия!

Как схожи наши судьбы – одни враги, одни герои и одни подвиги! Да будет так всегда!

Дейтонские соглашения 1995 года

Те города и земли, которые в ходе войны уже были заняты сербами, им пришлось в 1995 году оставить.

В те дни многие сербы, потерявшие в боях своих друзей, срывали с себя ордена. Они не понимали политиков и не составляли текстов предательских договоров и соглашений. Да и вряд ли кто и сейчас понимает, о чем договаривались за их спинами генералы. Какие прописаны были условия и соглашения, кто кого спасал или предавал, кто за кого пошел на жертву или кто кого от этой жертвы избавил. Понятно было только одно – земли, за которые воевали и погибали сербы, теперь должны были отойти их врагам. Где справедливость? И вообще, есть ли такое слово – правда?

Не отчаивайся, серб, ты не знаешь, какой ценой НАТО остановило бомбежки над Сербией. Может быть, твой товарищ, обезглавленный ваххабитским топором, принесен был в жертву для того, чтобы сохранить жизнь другим сербам, которые должны были, именно не могли, а должны, по задумке мировой элиты, погибнуть как нация, как народ-христоносец. Да, были отданы дейтонским шакалам завоеванные тобой Дрвар, Босанский Петровац, Гламоч, Грахово, Босанска Крупа, Санский Мост, Ключ и многие другие города. И сердце до сих пор разламывается, говоря в просторечии, и сжимает до смертельной боли кровеносные сосуды. И все-таки когда-нибудь мы узнаем правду: кто за кого принесен был в жертву, кого назвать Иудой и какова цена предательства и жизни.

А пока будем помнить слова Патриарха Павла: «Человек, стоящий над пропастью, должен опасаться ошибочного шага». Патриарх неоднократно предупреждал сербские власти об опасности исчезновения сербов, как народа и призывал политиков к отставке.

Однажды Святейший рассказал такую притчу:

«Один рыбак наловил рыбы в Желтом море и отправился на рынок ее продавать. По дороге одна рыба упала с повозки. Мимо проходил крестьянин и рыба попросила его: “Пожалуйста, брось меня в придорожную лужу, я умираю без воды!” – “О, я вернусь на десять километров назад и брошу тебя в Желтое море!” – “Спасибо тебе, но к тому времени я стану сушеной рыбой”».

Да, Сербия – это дом, по словам Патриарха, который построили на дороге, по которой беспрестанно идут завоеватели то с востока, то с запада.

И еще говорил Патриарх Павел, наставляя свою паству и отвечая на вопрос, позволено ли воевать христианам: «Если на небе могла быть праведная война, почему не быть ей на земле?.. Тот, кто защищает свой дом, свое отечество, могилы предков и свободу, ставит на кон не одну, а, если бы мог и имел, сто жизней. Понятие Косово вросло в наши души и самое важное в нем вот что. Святой князь Лазарь с предками нашими вышел не посягать на чужую свободу, не захватывать чужую землю, а защищать свою; не обращать насильно в свою веру, а защищать православие. Но в то же время это была и защита христианской Европы. Воевать так христианам позволено и вменяется в долг...»

На Косовом поле

28 июля сербы отмечают свой самый главный национальный праздник Видовдан. В 1989 году исполнилось 600 лет со дня Косовской битвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.